

Аррен Кода

С.О.У.Л.

Аррен Кода

С.О.У.Л.

«Издательские решения»

Кода А.

С.О.У.Л. / А. Кода — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-906926-9

«Быть второй личностью в чужом теле — на что это похоже?» У архивариуса Третьего уровня Анатолия Таллинского была самая обычная жизнь, пока однажды как гром среди ясного неба не ударила новость: его лучший друг смертельно болен. Что делать: оставить надежду и покориться судьбе или... поучаствовать в опасном научном эксперименте с таинственным названием С. О. У. Л.?

ISBN 978-5-44-906926-9

© Кода А.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава Первая	8
Глава Вторая	32
Конец ознакомительного фрагмента.	53

С.О.У.Л.

Аррен Кодя

*Посвящается Асе, без которой
этой книги могло просто не получиться*

© Аррен Кодя, 2019

ISBN 978-5-4490-6926-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Я не историк. И не могу передать все события с той точностью, чтобы они считались истиной. Моя память – это всё, чем я располагаю, и с её помощью я могу рассказать о том, что видел своими глазами. Возможно, найдутся те, кто назовёт мой рассказ вымыслом. Но для кого-то, быть может, эта история станет ответом на многие вопросы о том, что происходит в наш безумный век.

...я никогда не забуду ту весну две тысячи тридцать второго года, даже если из моей головы извлекут мозгочип. Голод – вот, как одним словом можно назвать те ужасные события, последовавшие за катастрофой. Нынешнее поколение уже не поймёт: наши дети и внуки привыкли к безвкусной синтетической пище в тубах и пакетах, которую до сих пор можно достать только по продовольственной карточке. Они верят в Рационал – идеологию умеренности, сдержанности, спокойствия и довольствия малым. Пожалуй, не самые плохие ценности – во всяком случае, их прославляли ещё древние мыслители. Вот только воспоминания об изобилии, в котором жили когда-то люди, до сих пор мучают стариков вроде меня.

Помню, когда всё это началось, моя жена сказала: «Уезжать надо отсюда, Тал». Не дождалась моего ответа и рванулась за границу (тогда выезд еще был возможен). Ну а я что? Я остался в Москве, шумной и тревожной, как разорённый улей. Я только-только получил работу на Третьем уровне, дававшую мне кусок хлеба (тогда настоящий хлеб ещё был в продаже) и возможность платить за крышу над головой. Потерять всё это было равносильно самоубийству.

На Востоке шли войны за остатки нефти, которую пытались обменивать на продукты питания; в Европе кризис усугублялся огромными потоками мигрантов, сметавших всё на своём пути; США закрыли границы и пригрозили развязать ядерную войну; а в некоторых странах Африканского союза (я несколько раз читал об этом в новостях) официально разрешили канибализм.

Это сейчас фраза: «в одночасье погиб весь урожай» вызывает смех – подумаешь, полил почву ксилофатом¹, и можно вырастить всё, что угодно, хоть на голом камне. Тогда было не до шуток.

Всё произошло очень быстро. По всей Земле прошли аномально тёплые дожди, и уже на следующий день стал гибнуть урожай всех мировых хозяйств. Удивительно, что с растениями в закрытых теплицах произошло то же самое. И нигде не осталось и следа таинственных осадков: ни радиации, ни неизвестных науке ядовитых минералов – совсем ничего, будто померещилось.

В две тысячи тридцать втором году в Москве погибла треть населения. Это были, в основном, жители Первого и Второго уровней – дешёвая рабочая сила, чьи пайковые нормы были такими низкими, что их едва хватало на одного; а ведь у многих в то время даже не было мозгочипов и, соответственно, работы, дававшей право доставать еду на каждый день.

Вместе с голодом в города пришли болезни. Большая часть лекарственных растений была уничтожена, поэтому медицина, фактически, прекратила своё существование. Несколько моих знакомых умерло от банального гриппа, который нечем было вылечить.

До сих пор никто не смог ответить на вопрос, почему исчезли только культурные растения. Многие склонны считать, что это был чей-то план по стиранию всего, что вырастил для себя человек. Они также думают, что нам дали шанс: в тридцатые годы уже активно развивались технологии белкового синтеза, и на многих прилавках можно было найти искусствен-

¹ Ксилофат – химический питательный концентрат. Используется для ускоренного выращивания генно-модифицированных растений.

ную пищу. С её помощью мы и выжили, пусть и понесли огромные потери. Учёные всех стран работали не покладая рук, в авральном режиме тестируя всё новые инновации.

В две тысячи тридцать пятом году пришло облегчение. В магазинах больше не было перебоев с синтезированной пищей. Постепенно вернулись лекарства, составляющие которых стали выращивать в отдельных лабораториях. В новостях становилось всё меньше сообщений о голодных смертях и массовых волнениях.

А потом началась перестройка. Сначала мы толком не поняли, откуда взялись все эти гигантские краны, которые начали с огромной скоростью возводить рядом с домами чудовищных размеров высотные конструкции, заслонившие собой небо. Начались новые волнения. Люди пытались помешать строительству, но в дело вмешались армия и полиция. По всей сети стали появляться сообщения и гипно-ролики о том, что человечество вступает в новую эру. Отныне люди не должны вредить Земле – вырубать леса, истреблять животных, загрязнять моря и реки – иначе в следующей катастрофе погибнут все. Наш образ жизни должен кардинально поменяться. Теперь население будет концентрироваться в крупных городах, которые значительно вырастут вверх, чтобы принять новых жителей. Пригороды должны быть очищены от всех построек, на их месте будут возведены фермы искусственного синтеза, которые не будут контактировать с окружающей средой. Все водоёмы подвергнутся очистке. Будут высажены новые леса, а радиоактивные свалки отправятся в космос с дальнейшей ликвидацией. Все эти меры будут действовать до тех пор, пока планета не избавится от последствий человеческой деятельности. «Помните, – так заканчивалось каждое сообщение, – Рационал – это дорога к светлому будущему».

С тех пор прошло тридцать лет. Сказать, что мир изменился, – значит, ничего не сказать. Много было сделано за прошедшие годы, но последствия Голода, унёсшего столько жизней, до сих пор сказываются на нашем существовании.

Меня зовут Анатолий Таллинский, и я – самый известный человек на планете Земля. Как я дошёл до жизни такой? – спросите вы. Что ж, вот вам моя история, которая произошла после выше перечисленных событий.

Глава Первая

*Looking down on empty streets, all she can see are the dreams
All made solid
Are the dreams all made real
All the buildings, all of those cars
Were once just a dream in somebody's head
(Peter Gabriel, Mercy Street)²*

Тал

- Документация на один-девять-шестьдесят пять. Папки на два- и три-девять. Доступ.
- Доступ разрешён.

Зеленоватые строчки быстро-быстро мелькали на виртуальном экране. Я сканировал их на наличие ошибок. Отчёты должны были быть чистыми, потому что малейшая неточность могла стоить нашей компании больших убытков. Ага, вот оно!

- Есть. Код девять-икс-семь-альфа. Вместо единицы должен быть ноль.
- Спасибо, Тал. Теперь всё рационально.

Я перевёл ви-очки в ждущий режим. Протёр глаза под прозрачным щитком, помассировал шею и виски, заодно проверив, не отходят ли контакты внешнего блока памяти (иногда в мягких присосках пересыхал гель). Контакты были в порядке. Напротив меня, расположившись в жёстком грави-кресле, почти в горизонтальном положении, сидела Юлия, деловито щёлкавшая пальцами по прозрачному экрану пластопа, закреплённого перед ней на эластичной сетке. Щиток на лице девушки был опущен, поэтому я не видел её глаз, однако было ясно, что всё внимание Юлии направлено на один из амбулаториев, где проходило сразу десять процедур по омоложению. По её идеально ровным ногтям пробежали радужные полосы, и я невольно загляделся на них: ох уж этот интерактивный маникюр! С тех пор, как изобрели «умное» кристаллическое напыление, его используют, где ни попадя.

Я сосредоточился на электронных часах в правом нижнем углу виртуального поля зрения. Перерыв длился уже две с половиной минуты. Уровень питательных веществ в организме был пока ещё достаточно высоким, чтобы не задумываться об обеде, пульс и энергетический потенциал также были в норме. Так что, Тал, соберись и будь рациональнее!

Я уже хотел запросить у Юлии очередную партию текстовых файлов, но тут в затылке началась лёгкая вибрация, отдающая в уши настойчивым жужжанием. Ви-очки услужливо вывели на дисплей номер абонента майндвеба.

«Доступ», – мысленно приказал я, внутренне довольный тем, что перерыв можно растянуть ещё ненадолго.

«На Электрозаводской продаются диски, – Димкин голос казался таким близким, будто мой друг находился рядом. – Ровно в девять магазин закроется».

«Тогда жди меня на Третьем острове в семь», – я мысленно прикинул объём работы. Должен был успеть до вечера.

«С тобой приятно иметь дело, – удовлетворённо отозвался Димка. – Отбой».

Я подгрузил в рабочую память новую порцию документов и принялся за проверку.

Когда ты погружён в работу, твой ум настраивается исключительно на деловой стиль общения, который даже имеет своё название: «КИР» – по трём основным принципам: крат-

² Окидывая взглядом пустые улицы, она замечает, что все мечты становятся явью, что все мечты становятся реальностью, все здания и все автомобили когда-то были лишь мечтой в чьей-то голове

кость, информативность, рациональность. Сейчас многие люди, особенно молодёжь, предпочитают выражаться кратко, давая понять, что их время очень ценно. На мой взгляд, это лишь коверкает русский язык – в конце концов, никто не развалится, если изложит мысли более развёрнуто. Лично я в рабочем состоянии был неважным собеседником, зато довольно сносным работником. За минуту мой мозгочип обрабатывал несколько десятков нужных файлов, причём я мог одновременно связываться с пятью своими сотрудниками, виртуально присутствовать в другом помещении, подключаясь к камере широкого обзора, а также отвечать на электронные письма наших клиентов. Совсем неплохо для архивариуса Третьего уровня.

По рассеянности я забыл уточнить, что родился в конце двадцатого века и сейчас успешно проживаю восьмой десяток. В наши дни не дожить до ста лет считается неприличным, поэтому я вполне могу считать себя молодым: с новыми омолаживающими средствами моему телу не дать больше тридцати пяти.

Ещё год назад я работал в компании «Youngs» – той самой, где людей избавляют от старости и немощи, а заодно и лечат всякие неприятные болезни. К сожалению, я не был связан ни с производством биоматериалов, ни с омолаживающими процедурами. Моя работа заключалась в том, чтобы содержать в порядке многочисленную виртуальную документацию – на большее способностей не хватало. Будь мой мозгочип хотя бы Четвёртого уровня, я бы работал в амбулатории и встраивал в кожу пациентов свежие клетки – долгая и кропотливая работа, зато результаты поразительные.

Немецкая компания «Youngs» специализируется на косметической корректировке человеческого тела без его радикального изменения. А вот американская фирма «Life», чьих филиалов у нас, в России, пока совсем немного, производит искусственные части тела, которые успешно вживляются людям. Далеко не каждый может позволить себе подобную процедуру. Один мой друг, живший в ту пору на Четвёртом уровне, был одним из немногих моих знакомых, кто решился вживить себе искусственную ногу. А ведь есть и такие (в основном среди европейских и американских знаменитостей), кто заменил себе большую часть организма, заплатив конструкторам такие деньги, что ими можно было бы обеспечивать целый город в течение года. Зато эти люди стали обладателями ловких и гибких молодых тел, обеспечив себе если не вечную, то очень долгую жизнь.

«Тал, вы мне нужны для замера показаний», – голос Влада тихо зазвучал в моей голове, когда я почти закончил с отчётами за сентябрь. Влад был главой отдела электронной хирургии. Иногда я помогал ему, снимая показания приборов, которые измеряли состояние пациентов, и заносил данные в память. Сохранённая мной информация позднее отправлялась в архивы.

– Ю, задание, сбор информации. Полчаса, – лаконично сказал я своей помощнице. Юлия кивнула, не отрываясь от пластопа. Я переслал ей проверенные документы, затем переключил мозгочип в режим запоминания и плавно вылетел из кабинета в своём гравикресле, направившись на этаж Полезных экспериментов.

Влад – высокий брюнет в белом комбинезоне конструктора, мой блистательный шеф – уже ожидал меня в комнате наблюдений. Это было тесное помещение, где одна из стен от пола до потолка была увешана пластопами – тонкими гибкими мониторами из «умного» нано-пластика. На каждом из них светилось изображение с камер наблюдения в боксах.

– Доброго времени суток, – Влад подлетел ко мне в своём кресле, и мы обменялись коротким рукопожатием. Я деловито оглядел экраны. Ви-очки позволяли мне чётко видеть пациентов, погружённых в восстанавливающий сон.

– Зная вашу заинтересованность, могу посоветовать обратить внимание на мониторы два и пять.

Я перевёл взгляд на женщину во втором боксе. Лицо её было гладким, без изъянов, и казалось почти детским. Я сразу распознал материал.

– Милитин?

– Точно, – Влад улыбнулся краем рта. – Шестьдесят процентов синтезированных клеток, тридцать – ципрогеля³, десять – кислорода. В отличие от силикона, который закончили применять ещё в тридцатых годах, ципрогель не травмирует клетки и не мешает их жизнедеятельности.

– Рационально, – одобрил я. – Кто вводил?

– Макс. Один из лучших наших хирургов.

– Оно и видно. Что в боксе пять?

Влад приложил ладонь к экрану, с помощью сенсоров переводя камеру в нужное положение. Глазам нашим предстал мужчина непонятного возраста. Влад указал на его руки. Я увидел красивые тонкие пальцы, будто созданные для игры на музыкальном инструменте.

– Тяжелейшая форма артрита. На выращивание новых суставов ушёл месяц. Пришлось долго работать над формой кисти. Выполнял Серж.

– Это произведение искусства! – я был восхищён.

– Пожалуй, – согласился Влад. Затем почему-то вздохнул, глядя на меня. – Жаль, что хирургия не ваша стезя, Тал. У вас есть знания и интерес...

– Одной теории недостаточно, – я пожал плечами и принялся за работу. Подключился к системе, последовательно просканировав регистраторы. Теперь я с лёгкостью мог сказать, какова частота пульса у пациентки из девятого бокса, настроение двух мужчин из седьмого и восьмого и давление у девочки из третьего. Это знание приносило мне чувство удовлетворения.

– Закончено, – бодро сообщил я спустя четырнадцать с половиной минут.

– Рационально, – одобрил Влад. – Свободны.

До Третьего острова я добирался на такси. Сам я не мог позволить себе личный авиомобиль, поэтому приходилось вызывать общественные – к счастью, мне, как работнику «Youngs», полагалась неплохая скидка.

Пожалуй, авиомобиль – лучший вид транспорта в мире. Треугольный корпус со слегка заострённым носом, напоминающим птичий клюв, прозрачный каплеобразный купол, закрывающий кабину. Думаю, ни одна колесная машина не сравнилась бы с ним в комфорте и изяществе. В авиомобиле чувствуешь себя профессиональным гонщиком, несмотря на сравнительно небольшую предельную скорость – всего сто километров в час. К сожалению, закон запрещал мне, жителю Третьего уровня, взмыть выше Третьей Петли и полюбоваться городом с высоты, как это делали Творцы. А искушение порой было очень сильным...

С моим другом Димкой мы познакомились примерно за десять лет до описываемых событий. Тогда я только переехал в новую квартиру на Третьем уровне и никак не мог там освоиться, а потому завёл привычку гулять после работы.

Лет пятьдесят назад наши уровневые дома привели бы в ужас среднестатистического человека. Думаю, он не смог бы даже вообразить такое зрелище: на крыше многоквартирного дома этажей, эдак, в двадцать, стоит ещё один дом, такой же большой, а сверху – ещё один и ещё – и так шесть раз. Вся эта громадина складывается в пирамиду, идеально квадратную в основании, чьи выступы служат улицами и границами разных уровней. Честно говоря, меня, человека старой закалки, это до сих пор шокирует.

К счастью, на Третьем уровне достаточно светло. Прямые солнечные лучи не доходят сюда, оседая на улицах более везучих верхних жителей, однако света достаточно для того, чтобы читать – если бы вы читали по старинке, с бумажного листа без подсветки. По утрам у нас даже выключали освещение, и наступали приятные сумерки. Я часто слышал, как мои соседи, ворча, называли это время «второй ночью», сетуя на то, что правительство, пытаясь сэкономить электричество, оставляет горожан без света.

³ Ципрогель – хирургическое нано-вещество, выполняющее функции межклеточного цемента

На жителях Второго уровня экономить не получается. Круглые сутки здесь горят яркие люмены, поэтому окна ячеек специально затонированы. Большая часть его обитателей работает по ночам; время для них совсем потеряло значение: какая разница, если двадцать четыре часа в сутки ты проводишь в темноте?

Ну а Первый уровень... каждый раз, когда я поднимал пластовый колпак, превращая свой крошечный эркер в балкон, и глядел вниз, мне казалось, что я смотрю в бездонную пропасть. Там, внизу, почти нет огней. Кварталы технических помещений чередуются с жилыми домами, чьих обитателей попросту не видно.

Помню, как в тридцать пятом году застраивался наш район. Тогда я жил в старом девятиэтажном доме, вокруг которого постепенно вырастали металлические башни – основы будущих многоуровневых домов. Однажды, выйдя из подъезда, я понял, что на нашей улице утро так и не наступило: солнце освещало стены высоко над моей головой.

Я любил обходить дом по периметру, глаза на интерактивные рекламные растяжки на фасаде соседнего небоскрёба и заглядывая в окна нижних этажей – вдруг будет приподнят матовый щит? Знал, что это невежливо, но старику трудно расстаться с его привычками. Вообще-то, прогулки у нас не приняты. С какой целью? – спросили бы мои соседи и были бы отчасти правы. Ведь «дышать свежим воздухом», как это когда-то называлось, можно и в собственной ячейке – чистейшим, с идеально сбалансированным уровнем влажности и ароматом свежескошенной травы, морского бриза или влажных тропических джунглей.

Поэтому я сильно удивился, увидев, что гуляю не один. Под фонарём, удобно облокотившись на перила, стоял невысокий мужчина в синем комбинезоне и смотрел вниз, на огни авиамобилей, пронесившихся по Второму кольцу.

– Доброе время суток, – произнёс я, придав своему голосу самый нейтральный оттенок. Известно же, что все жители Москвы работают в разное время и строят свой распорядок дня в соответствии с трудовыми часами. То, что для одних считается глубокой ночью, для других уже – разгар дня, а то и вечер следующего.

Мужчина, стоявший под фонарём, обернулся. Его лицо было удивлённым.

– Вообще-то, у меня уже вечер, – заметил он. – А у вас?

– Тоже вечер, вы не поверите! – с облегчением ответил я. В незнакомце не было враждебности, только настороженное любопытство.

– Что ж, самое время для прогулки, – он нерешительно улыбнулся. – С этой точки хороший вид.

Я приблизился и тоже встал под фонарём. В его свете я смог разглядеть этого человека получше: светлые волосы, зачёсанные назад, грубоватое широкоскулое лицо, немного большой нос, пухлогубый добродушный рот и задумчивые, чуть печальные тёмно-серые глаза. На вид ему можно было дать лет сорок; впрочем, в наше время трудно говорить о возрасте.

– Вы любите робошоу Стиллера? – ляпнул я первое, что пришло в голову, чтобы нарушить неловкое молчание. Это была одна из новомодных американских передач, транслируемых по виртуальной сети – что-то вроде бокса, только вместо людей сражались роботы. Каждое шоу заканчивалось тем, что с ринга вывозили груду искорёженного металла.

– Видел пару раз, – мой собеседник сдержанно кивнул. – Однако я предпочитаю старые фильмы. «Матрицу», к примеру.

– О, отличный фильм! – с энтузиазмом отозвался я. – Иногда мне кажется, что его создатели знали будущее.

Незнакомец взглянул на меня с интересом.

– Как вас зовут?

– Тал, – я увидел, что он слегка поморщился, и поспешно добавил: – Анатолий. Я живу на северной стороне, недавно переехал.

– А я Дима, – он протянул мне узкую шершавую ладонь со следами ожогов и старых шрамов. – И я живу на южной.

Я с чувством пожал ему руку, отметив, что твёрдые длинные пальцы не скрыты под перчаткой, как принято у многих жителей города.

Дима щёлкнул по браслету на запястье, вызывая голографические часы.

– Мне пора, – с сожалением сказал он. – Но вы заходите на досуге. Номер сто сорок девять. После семи я обычно дома. – Он коротко кивнул мне на прощание и неторопливо удалился.

– Опаздываешь, – строго сказал Димка, когда я появился на Третьем острове – третьей снизу площадке высокой металлической башни с лифтами и лестницами, ведущими на разные уровни. Мой друг ждал меня у остановки флаера, зябко кутаясь в сине-зелёную ветровку.

– Сам знаешь, работа... – я виновато развёл руками. В этот момент к остановке подлетел переполненный флаер, и мы поспешили втиснуться в него, локтями прокладывая себе дорогу к хвостовой части.

Всего за девять с половиной минут мы с Димкой добрались до нужного района. Выбравшись из флаера, мы тут же оказались в толпе, спешившей на посадку на обратный рейс. Несмотря на большое скопление народа, было тихо, если не считать топота многочисленных ног. Почти у каждого человека половину лица закрывали ви-очки, позволявшие превратить сумерки в ясный солнечный день. Из крошечных волновых проигрывателей-бусин, скрытых в ушах прохожих, лилась тихая и приятная волновая музыка. На фоне всех этих людей мы с Димкой выглядели чересчур бледными и суетливыми. Нырнув в одну из полутёмных арок, мы поспешили вниз по эскалатору, ведущему на Первый уровень.

Станция метро «Электрозаводская» была почти необитаемой. Старый вагон стоял на путях; он был весь разрисован разноцветными граффити, двери были закрыты, за исключением одной, в передней части.

Мы с Димкой вошли внутрь. Первым, что я услышал, было тиканье. Приглядевшись, я увидел в полумраке помещения множество часов, развешенных вдоль стен. Их было несколько сотен. Большие и маленькие, круглые и квадратные, часы несинхронно отмеряли секунды, и тихие щелчки сливались в мерный стрёкот, похожий на пение гигантской цикады.

– Добрый вечер, – вежливо сказал Димка продавцу, неторопливо вышедшему из глубины вагона. Это был типичный житель Первого уровня: бледное лицо, потрёпанный серый комбинезон, щетина на впалых щеках, усталый взгляд.

– Вы коллекционируете часы? – спросил я, чтобы завязать разговор. Продавец сдержанно кивнул.

– В наше время, когда настоящее измеряется часами, а прошлое то и дело наступает на пятки, все что-то коллекционируют, – сумрачно отозвался он.

– В прошлый раз, когда я заходил сюда, у вас были музыкальные диски, – сказал Димка. – Они ещё остались?

– Несколько десятков. Но остались только совсем старые, созданные людьми, а не роботами. Если вы пришли за творчеством «AI-149», то ошиблись адресом.

– Нас интересуют старые. Дайте взглянуть.

Продавец ушёл в полумрак вагона и вскоре вынес пыльную коробку, в которой плотно, один к одному, стояли компакт-диски в блестящих футлярах. Такие полностью перестали выпускать еще в двадцатые годы.

– Не густо. – Димка быстро перебрал диски, выкладывая их на пол.

– Чем тебе не нравятся «Imagine Dragons»? – я повертел в руках плоскую коробочку. – Или, вот, «Radiohead»...

– Ты что, Рому не знаешь? – усмехнулся Димка. – Если мы подарим ему на день рождения что-нибудь моложе «Металлики», он будет не слишком рад.

О, да. Наш общий друг Роман всегда был очень трепетным в выборе музыки.

– Вот ещё. – Я протянул ему диск, на обложке которого красовалась чёрно-белая фотография престарелого Кита Ричардса.

– Это его лучший сольник! – встрепенулся продавец. – Не пожалеете.

– Но две тысячи пятнадцатый год... – Димка покачал головой. – Рома что-то там говорил про новейшие релизы старых групп... впрочем, ладно. Он всё равно обожает «Rolling Stones».

– Пятнадцать кредитов! – с улыбкой сказал продавец.

Я мысленно присвистнул. Пятнадцать кредитов! Для сравнения, на пять из них средне-статистическая семья может спокойно прожить неделю. Однако мы с Димкой были готовы к тому, что придётся раскошелиться, поэтому даже бровью не повели и отсчитали нужную сумму.

Продавец, видимо, был поражён нашей сговорчивостью. Он долго и старательно заворачивал диск в плёнку, словно это была хрустальная ваза.

– Вы прибьёте его на стену? – вдруг спросил он.

– Что, простите?

– Ну, знаете, сейчас в моде радужные круги, их используют для украшения интерьера, – объяснил продавец. – К примеру, позавчера приходили молодые люди, которые потребовали целую коробку дисков, чтобы оформить ванную. Я взял с них баснословные деньги... – мужчина вздохнул.

– Нет-нет, – сказал Димка, – мы будем слушать этот диск.

– Тогда я сделаю вам скидку, – улыбнулся продавец. – Ведь если у вас есть дисковый плеер, вам приходится тратиться на его обслуживание...

Старый приёмник Роман раскопал на какой-то барахолке. Когда-то на нём можно было крутить кассеты и диски, но теперь аппарат был сломан. Он мирно пылился на полке до тех пор, пока его не увидел Димка. И уже тем же вечером ячейка на Четвёртом уровне наполнилась звуками музыки.

– А всего-то и надо было заменить пружину и перепаять пару проводов, – сказал тогда наш изобретательный друг, любовно поглаживая приёмник по блестящей крышке. Уж чего-чего, а пружин и проводов в его запасах всегда было достаточно.

В общем, со станции мы уходили с довольными ухмылками: покупка обошлась нам куда дешевле, чем мы предполагали.

– Пройдёмся до кафе? – предложил я. – Я угощаю.

– Пойдём, – согласился Димка.

Ближайшая забегаловка была на маленькой площади, опоясывавшей башню острова. Протолкнувшись через вращающиеся двери, мы уселись за самый дальний столик и принялись рассматривать меню на экране, вмонтированном в стол. В результате сделали выбор в пользу белковых коктейлей: Димка – со вкусом киви, я – со вкусом орехов. Робот с подносом быстро доставил наш заказ. Я приложил свою карточку к сенсору на его туловище. На чёрном головном дисплее появилась улыбающаяся рожица.

– Приятного аппетита! – проскрипел робот.

– Спасибо, – снисходительно отозвался я.

– Знаешь, – после продолжительного молчания сказал Димка, – когда мы были в том магазине, я кое-что вспомнил. Мне недавно приснился сон...

– Тебе снятся сны? – удивился я. – Странно, ведь мозгочипы мешают нам их запоминать.

– Просто мозг отвыкает работать без подпитки, – ответил мой друг. – Но ты прав, сны мне действительно почти не снятся, я сам удивился.

– Рассказывай.

– Слушай. Мне снилось, что я стою на перроне где-то за городом. Кругом тёмная ночь, только свет фонаря пробивается сквозь крону дерева. Я стою не один: за спиной у меня человек, который всё время курит. И вдруг от рельсов раздаётся музыка. Совсем незнакомая. И всё же в ней есть что-то такое, отчего сердце рвётся на части. Тот человек, что курит, подходит ко мне и говорит: «Это звучит наше потерянное время».

Димка замолчал и снова принялся за свой коктейль. Я озадаченно смотрел на него. Рассказ вызвал во мне необъяснимую тревогу. Как будто что-то вот-вот должно было произойти.

– Ты заботишься понапрасну, – заметил мой друг. – Всё суета сует и томление духа, как говорили мудрые. Забудь, что я сказал.

Это было позапрошлой весной. В тот день я спустился в метро в поисках стерео колонок. У Димки были совсем старые, он часто слушал через них музыку, и в конце концов колонки просто сгорели – их уже нельзя было починить.

Я бродил по широкой платформе «Маяковской», приглядываясь к самодельным прилавкам, заваленным всякой всячиной. Стоял невообразимый гвалт, в тесных вагонах поездов, превратившихся в павильоны, толпился народ. Меня то и дело пихали и наступали на ноги; пахло потом, сыростью и невесть откуда взявшимися шашлыками.

На глаза мне уже попались парочка телевизоров, целая батарея пивных бутылок, бесчисленные коробки со смартфонами и аккумуляторами, посуда и одежда. Нужные мне колонки среди всего этого великолепия я обнаружил только часа через два, да и то случайно. Цена кусалась, но отступить я не собирался: зря, что ли, столько мучился?

Когда я, наконец, выбрался из толпы и уже уходил со станции, меня хлопнули по плечу. Позади стоял высокий худой тип в длинном чёрном пальто. Смуглое лицо, широко расставленные глаза цвета мокрого песка, хищный нос и широкий рот; картину дополняли торчащие тёмные вихры, небрежно подвязанные на лбу пёстрой банданой.

– Не сможешь донести это до машины? – в руках у незнакомца была огромная брезентовая сумка, доверху набитая какими-то промасленными тряпичными свёртками. Судя по всему, очень тяжёлая. Мужчина мрачно разглядывал меня, и я решил его не злить. Подхватил сумку за свободную ручку (весила она три пуда, не меньше!), и мы вдвоём поволокли её вверх по лестнице. Мой спутник заметно хромал.

– Что же ты антиграв с собой не взял? – простонал я. Известно же, что для переноски тяжестей можно пользоваться грави-платформой, которая удерживает ваши вещи в воздухе. У каждой хозяйки такая найдётся.

– У него заряд кончился... – пропыхтел незнакомец.

Выйдя из вестибюля, битком набитого народом (суббота же!), мы свернули на одну из тёмных улочек, где был припаркован выдавший виды автомобиль. У меня уже ноги подгибались от тяжести, а рука, державшая сумку, онемела до потери чувствительности. Багажник машины с грохотом открылся по мысленной команде хозяина, и мы с трудом закинули в него нашу ношу. В сумке что-то громко звякнуло.

– Вот и всё. Спасибо, – отдуваясь, сказал незнакомец. Мне стало его жалко.

– А выгружать самостоятельно будешь?

Он с интересом взглянул на меня.

– Ты хочешь мне помочь?

– Ага.

Позже я сам удивлялся, как легко мне давалось общение с этим человеком. Обычно я так не вёл себя с незнакомцами.

– Ладно, тогда садись. Только с пассажирским сиденьем осторожней: оно еле держится...

Авиамобиль рывком взмыл в воздух. Я сидел молча, спиной чувствуя вибрацию перегруженных двигателей. Вдруг стало неловко. Я заметил жетон с цифрой «четыре» на одежде этого парня и смутился окончательно, но, к счастью, он первым нарушил молчание.

– Я, конечно, могу и не спрашивать... у нас ведь в столице принято не знать друг о друге ничего без особой надобности...

– Что ты... вы хотите узнать?

– Во-первых, перестань выкать – я ещё не настолько старый. Во-вторых, скажи, как тебя зовут, а то как-то не по-людски выходит.

– Анатолий. Можно Тал.

– Забавно. А меня Роман. Можно Рома, я не гордый, – он улыбнулся, показав ровные белые зубы.

– Что ж, очень приятно, – улыбнулся я в ответ.

– Хорошо, что ты не сказал «рационально», а то я бы сейчас врезался в столб! – он расмеялся и несильно ткнул меня в плечо: мол, шучу, не бойся.

Я почувствовал, что проникаю к нему симпатией. С Ромой было удивительно легко, казалось, мы знакомы уже много лет, что он мой бывший одноклассник, с которым мы когда-то вместе играли в компьютер и пили колу, а затем разъехались в разные города. И вот теперь снова встретились.

Авиамобиль тем временем вырулил на Четвёртый уровень. Здесь было светлее и просторнее, чем у нас. Вдоль улиц в кадках были высажены тонкие молодые деревья: здесь им уже было достаточно света для роста.

Мы приземлились в тупике между стенами двух небоскрёбов. Роман проворно вылез из машины и приготовил магнитный ключ.

– Ну что, готов, носильщик?

Вдвоём мы выволокли сумку из багажника и оттащили к лифту, который доставил нас на самый верхний, двадцатый этаж.

В Роминой ячейке царил жуткий бардак. Одежда, коробки, энергобанки, электрогитара... я с любопытством оглядывался по сторонам, стараясь ни на что ненароком не наступить.

Стены были увешаны старыми плакатами с фотографиями давно ушедших рок-звёзд. В углу стояла ультрасовременная кровать, напоминавшая собой нечто среднее между солярием и гробом с прозрачной крышкой, в которую были вмонтированы люмены, создававшие подсветку под настроение.

– Прости, угостить тебя нечем, – Роман с досадой захлопнул холодильный ящик в том углу ячейки, который считался кухней. – Плохой из меня хозяин...

– Ничего страшного, – улыбнулся я.

– Нет, смотри-ка! – он торжествующе снял с полки початую плитку шоколада. – Бери, а то обижусь.

Шоколад – дорогое удовольствие. В наше время сложно достать настоящий. Поэтому я по достоинству оценил угощение.

– Чем ты занимаешься? – поинтересовался я.

– Пишу книги, – с гордостью отозвался мой новый приятель. – «Старую мельницу» читал?

Я вспомнил. Эта книга вышла в двадцатые годы. В ту пору она показалась мне довольно интересной, хоть и несколько наивной.

– Читал, здорово! – я с серьёзным видом кивнул.

– Ай, да я по лицу вижу, что ничего особенного, – Роман махнул рукой. – Я тогда был молод и глуп. Но сейчас взялся за серьёзную вещь. И если всё получится... – он мечтательно посмотрел на низкий потолок. – Может, даже попаду на Седьмой уровень!

Ещё бы. Каждый мечтал попасть туда. Однако далеко не всем удавалось. Ультраволновой тест мозга (сокращённо УВТ) определял мощность мозгочипа, который человек мог использовать без вреда для себя. От этого зависело распределение по уровням. Каждый заключал в себе список профессий, которые вы могли освоить, исходя из своих способностей. Считалось, что выбор зависит от уровня интеллекта. Однако я всегда придерживался мнения, что всё дело в способности мозга адаптироваться. Один китайский учёный по фамилии Ци даже разработал специальную шкалу, измерявшую некий физиологический показатель, который являлся главным критерием отбора.

На Седьмой уровень можно было попасть не только по результатам УВТ-теста. Для этого требовалось сделать что-то выдающееся. К примеру, написать хорошую книгу или открыть что-то в науке. Тогда вас причисляли к Творцам и позволяли носить радужный плащ. И жить вы отправлялись в верхний город, туда, где на крышах небоскрёбов растут прекрасные сады. Настоящая сказка для нижних жителей...

– А зачем тебе металлолом? – я поискал глазами сумку, которую помог ему донести, но так и не увидел её в окружающем хаосе.

– Это детали для моего авика. Хочу его немного усовершенствовать. Только теперь придётся искать механика... – Роман поскрёб кудлатый затылок. – Пройтись по подземным цехам, что ли...

– Мой друг механик. Думаю, он сможет помочь, – сказал я. Почему-то у меня не было сомнений в том, что им с Димкой нужно познакомиться.

Ромины глаза засияли.

Так нас стало трое. Роман оказался на год старше меня и на два года моложе Димки. Он носил вещи в стиле подростков нулевых, признавал исключительно старый зарубежный рок, который слушал ещё мальчишкой, обожал рассказывать истории и ещё часто и с удовольствием курил синтетические сигареты с отдушкой. Из-за этой пагубной привычки у Романа были полностью заменены лёгкие, а в гортань вставлена нано-трубка. Помимо этого у него ещё была искусственная левая нога – настоящую пришлось ампутировать после давней автомобильной аварии. К выбору протеза Роман отнёсся творчески: вместо имитатора живой плоти у него был полностью прозрачный протез, внутри которого были видны нервы и нано-сосуды. В него ещё были вживлены светодиоды, чтобы мало не показалось. Честно признаюсь, более фантастического зрелища я в жизни не видел. Чувствительность у такой ноги была хуже, чем у живой, но Роман однажды философски заметил, что когда стоишь одной ногой в могиле, не имеет значения, на что опираться.

Да, поэт из него мог бы выйти тот ещё...

Рома долго разглядывал диск, держа его кончиками пальцев. По лицу нашего друга блуждала мечтательная улыбка.

– Ну, слава богу! Мы уж думали, что тебе не понравится. Всё-таки, эта запись не очень древняя, – ухмыльнулся Димка.

– Какая разница, древняя или нет? Знаете ли вы, *что* это за альбом? У него совсем немного дисковых копий, и здорово, что они вообще сохранились!

– Кстати, я никогда не слышал, чтобы дисками обклеивали ванны, – подал голос я.

– Да ты отстал от жизни, Тал! Между прочим, существуют целые каталоги, описывающие, какие студии лучше подойдут именно к твоему интерьеру. К примеру, диски, записанные на «Зебре», лучше подходят для спален, а вот те, что на «Декке»...

– Притом, что их штампуют на одном заводе... – добавил Димка.

– Да вы вообще не въезжаете! – Роман сделал страшные глаза и вдруг расхохотался.

– Ладно, музыка музыкой, но десерт по расписанию! – я эффектным жестом извлёк из кармана круглую консервную банку. Хорошенько её встряхнул и дёрнул за вмонтирован-

ное в крышку кольцо. Раздалось шипение, стремительная тепловая реакция видоизменила внутренние составляющие. Банка раскрылась, как цветок, сложившись в изящное серебристое блюдо, на котором красовался большой торт, обильно покрытый белой глазурью и сиропом. Ячейка наполнилась запахом лимона.

– «Лимонный взрыв!» – Роман улыбался до ушей. – Величайшее произведение гастрономического искусства! И вкус как в молодости...

– Да, неплохо. Однако кое-чего не хватает, – Димка порылся в карманах и извлёк горстку светодиодов. – Это, конечно, не свечки, но, если подуть на них, они погаснут.

Мы торжественно водрузили торт на стол.

– Страшно подумать – семьдесят две штуки... – я зачарованно глядел, как Димка втыкает крохотные лампочки в глазурь, аккуратно распределяя между ними тонкие проводки. – Ты всю ночь паял их?

– Работы минут на двадцать... – Димка пожал плечами и облизнул испачканные пальцы. – Давай, Рома, дуй. Всё работает.

Торт был похож на маленький НЛО, светившийся ровным синим светом. Роман дунул от души, погасив все лампочки. Весело рассмеялся и стал вытаскивать светодиоды, после чего разрезал торт на огромные куски.

– Налетайте, ребята.

– Ты желание-то загадал? – строго спросил Димка.

– А то! Но говорить не буду, иначе не сбудется.

Мы покончили с тортом очень быстро. Запили его холодным химическим чаем. После чего Рома глянул на голографические часы и сказал:

– У меня тоже есть для вас подарок. Идёмте, – он выбрался из-за стола и направился к выходу из ячейки. Мы с Димкой поспешили за ним. Роман вышел на смежную площадку и приложил руку к маленькой незаметной дверце в углу. Дверца уехала в стену, и наш друг поманил нас в узкий тёмный коридор.

Здесь была лестница, ведущая куда-то наверх. Ни одной лампочки не горело, пришлось подниматься на ощупь. Наконец впереди показался свет: Роман открыл ещё одну дверь.

– Ух ты! – выдохнул Димка, шедший впереди меня.

Мы оказались на крыше дома, вернее, на одном из немногих свободных участков, не занятых стенами верхнего уровня. Отсюда открывался прекрасный вид на коридор между домами, где пролегало одно из центральных шоссе. Но удивительным было не это. На широкой бетонной площадке, среди громоздившихся тут и там технических пристроек, росла трава. Самая настоящая, зелёная, с вкраплениями белого клевера и подорожников.

Мы привыкли, что в Москве почти нет растительности. С тех пор, как город поделили на уровни, в нём стало слишком темно для деревьев и кустарников. Солнечный свет, обитающий где-то наверху, даёт жизнь только садам Седьмого уровня. В других местах растений совсем мало; чаще всего они растут в клумбах или кадках, в искусственных условиях. Поэтому увидеть густую, буйно растущую траву, не знающую ни газонокосилки, ни автомобильных шин, было для нас настоящим чудом.

– Как ты всё это устроил, Ром? – спросил я. – Неужели тебе отдали крышу в полное распоряжение?

– Ага, – он довольно кивнул, – я долго надоедал соседям и отделу домашнего надзора. Наконец с меня взяли слово, что я не буду заниматься на крыше ничем противозаконным.

– И это всё? Так просто?

– Нет, конечно! – хмыкнул Роман. – Ещё целую кучу денег потребовали. Но зато... вы только посмотрите! – наш друг сбросил ботинки и ступил на траву босиком. Мы с Димкой от него не отставали. Я с наслаждением зарылся пальцами в упругие стебли и понял, что жизнь прекрасна.

Димка лёг на газон.

– А где ты семена взял? – поинтересовался он.

– Нашёл одного торговца в метро. Сейчас почти ничего нельзя достать без особого разрешения управления природными ресурсами, но этот парень выкрутился: продавал семена под видом корма для грызунов. Тут уж не придерёшься. Тогда я подумал: а что, если попробовать посадить их? Привёз с Первого уровня песок и землю, и вот... – Роман обвёл взглядом произведение рук своих.

– И здесь достаточно светло, – заметил я.

– Сейчас вы не такое увидите! – наш друг поманил нас с Димкой к низкому парапету, ограждавшему площадку. Глянул на часы, а затем указал рукой в коридор между домами.

– Смотрите!

И тут нам в глаза ударил пронзительный свет.

Сейчас мало кто поймёт чувство, охватившее нас троих. Современные люди, привыкшие не поднимать голов от земли, которую они видят в ярких красках через ви-очки, пожмут плечами: солнце? Что мы здесь не видели? Его нет в нашей жизни, оно слишком тускло, слишком скучно, ему нельзя приказать изменить свой цвет или уйти за горизонт. Никому и в голову не придёт восхищаться им. Восхищение не рационально. И точка.

Быть может, мы – последнее поколение безнадёжных романтиков. Глядя на чудовищных размеров небоскрёбы, закрывавшие небо, на крошечные по сравнению с ними автомобили, мчавшиеся по шоссе; глядя на бесконечное ущелье между двумя рядами зданий, терявших свои очертания в туманной мгле, мы физически ощущали величие этих острых лучей, пробившихся сквозь городской лабиринт, чтобы на несколько мгновений отразиться в наших глазах.

Золотые, янтарные, медовые, медные, алые – такими стали безликие стены, на чьём фоне потускнели и утратили блеск мерцающие рекламные щиты. Я смотрел на лица своих друзей и видел на них собственное выражение удивления, восхищения и безмятежной радости.

Солнце нырнуло за дальний небоскрёб, и сияющий туннель погас – лишь вдалеке несколько домов продолжали пламенеть, словно факелы.

– Это чудесно, – тихо сказал Димка. – Спасибо тебе, Рома.

– Есть всего лишь несколько дней в году, – сказал Роман. – Когда солнце оказывается на таком уровне, что его можно увидеть отсюда. Я случайно узнал об этом. В тот день, в первый раз, я плакал. Вы только не смейтесь...

Мы и не думали смеяться.

Роман принёс большой ржавый железный бак.

– Можно развести костёр, – предложил он. Мы с Димкой одобрили его идею. На крыше было довольно прохладно, да и сумерки уже сгущались – в нижнем городе темнеет рано.

Синеватые и лиловые языки пламени заплясали на длинных брикетах химического угля. Мы сидели вокруг костра прямо на траве и грели протянутые ладони.

– Почти как в юности, когда ездили с друзьями на шашлыки, – улыбнулся я. – С ума сойти, сколько лет прошло с тех пор...

– Жаль, шашлыков сейчас не пожарить, – вздохнул Роман. – Нормального мяса у меня давно не водится, а соевые брикеты просто рассыплются при нагревании.

– У меня есть немного хлеба, – вдруг сказал Димка. Порывшись в карманах просторного комбинезона, он вынул пластиковый контейнер, где лежало несколько аккуратных ломтиков белого белкового хлеба. – Конечно, это не совсем то...

– Чёрт возьми, Димон! Где ты всё это достанешь? – Рома был восхищён.

– Это дневной паёк механика. Когда целый день проводишь под автомобилем, не всегда есть время сходить в столовую, – Димка протянул нам плоские квадратные кусочки.

Белковый хлеб совершенно пресный. Есть его можно, если ты действительно очень занят, поэтому не особо заботишься, что кладёшь в рот: жуётся – и ладно. Однако в жареном виде он

оказался вполне съедобным. Рома нанизывал хлеб на кусок толстой проволоки и держал над бездымным пламенем.

– Вот и ещё одну традицию возродили, – улыбнулся я, когда с трапезой было покончено.

– Кстати, о традициях... – Димка поднялся и медленно подкрался к Роману. – Кое у кого сегодня день рождения...

– И? – с опаской спросил Роман.

– В этот день полагается дёргать за уши.

– Не-е-ет! Только не это! – наш именинник сорвался с места и попытался убежать.

– Толик, держи его.

В начале осени Ромин авиамобиль приказал долго жить. Эта старая развалюха с крыльями уже несколько месяцев еле передвигалась; моторы ревели так, что слышно было на соседнем уровне; машина то и дело рыскала в воздухе, и поездка всякий раз превращалась в экстрим.

Мы с Романом сидели на складных табуретках в одном из подземных цехов компании «Sun Steel», что занималась ремонтом и сборкой лёгких транспортных средств. Естественно, он не мог отдать свою машину, пусть и в конец убитую, в руки кому попало, поэтому у него был самый надёжный и проверенный мастер.

– Система сдохла, – лаконично произнёс Димка, выкатываясь на грави-доске из-под днища авиамобиля, поднятого над полом на специальных крепежах. Наш механик был великолепен. Сине-зелёный защитный костюм из жаропрочной нано-ткани, огромные ви-очки с зеленоватым отливом, закрывавшие половину лица на манер дайверской маски. На руках у Димки были толстые жаропрочные перчатки, на кончиках пальцев и ладонях которых горели крошечные светодиоды.

– Что, совсем всё плохо? – вздохнул Рома.

– Совсем, – Димка сдвинул очки на лоб и с наслаждением почесал переносицу. – Двигатели, правда, в отличном состоянии. Что говорить, это же «Аютомак»...

– Плюс в них вмонтированы усилители от «Шарп», – добавил Роман.

– По правде говоря, эти усилители не давали никакой мощности, лишь увеличивая силу трения.

Они ещё минут пять вдохновлённо спорили на тему того, какая из систем лучше. Я мало что понимал.

– В общем, ясно, – констатировал Роман. – Капитальным ремонтом здесь и не пахнет, так?

– Починить, в принципе, можно, – пожал плечами Димка. – Если мы с парнями возьмёмся переделывать обходную систему, заменять изотеновые фильтры и ставить новые выхлопные трубы...

– Понятно, лучше продать, – отмахнулся Рома. – Я давно хотел новый авик.

– Как скажешь, – Димка отправился к кофейному автомату, стоявшему в углу цеха. Вернулся с большой кружкой «Кофеина-16». Я с любопытством рассматривал его перчатки.

– Слушай, а для чего тебе лампочки на пальцах?

– Это не просто лампочки. Рядом с ними вмонтированы микрокамеры. Они посылают сигналы прямо на мой мозгочип, и я могу буквально «видеть» руками.

– Здорово! А можно примерить?

– Сейчас. На них индивидуальный код... – Димка на несколько секунд сосредоточился, глядя перед собой, затем снял перчатки и протянул мне. – Тут стандартное подключение, как к любому прибору с поддержкой майндвеба.

Я натянул перчатки, активировал устройство и рассмеялся. Ощущение было очень забавным. У меня как будто стало пять пар глаз, немислимым образом складывавших изображение

в единую картинку. Причём своими двумя я стал видеть очень плохо. Зато теперь я мог оценить находившиеся передо мной предметы с точностью до десятой доли миллиметра. Проведя пальцем по обшивке авиамобиля, я увидел, что в ней есть мелкие поры и пузырьки воздуха – такова структура особого нано-сплава, очень лёгкого и прочного, который используется во всех летательных аппаратах нового поколения.

– Тал, ну и видок у тебя! – усмехнулся Роман, о существовании которого я уже успел забыть. Эксперимента ради я «взглянул» на него руками и чуть не упал от удивления. Мой друг был разрозненным, я видел его лишь частично, но очень подробно. Но самым странным было то, что Рома виделся мне почти прозрачным и как будто бы в несколько слоёв. Я мог видеть его сосуды и суставы и что-то вроде... сияния? Едва заметного, дрожащего в порах его тела...

– Всё, хватит, – Димка бесцеремонно стянул с меня перчатки. – А то, того и гляди, в обморок упадёшь. Всё-таки, это профессиональный инструмент, им специально обучают пользоваться.

– Это что, микроскоп? Или рентген? – удивлённо спросил я, когда ко мне вернулось нормальное зрение.

– Ни то, ни другое, – Димка понимающе улыбнулся. – На людей в них лучше не смотреть – слишком сложно. Зато теперь ты понимаешь, что я, в некотором смысле, вижу жизнь вверенных мне механизмов?

– Да, теперь понимаю... – я присел на табуретку, испытывая лёгкое головокружение. Димка протянул мне свою кружку с остатками «Кофеина» и вновь повернулся к Роме:

– Значит, так, машину ты можешь оставить здесь. Наша фирма её продаст и перечислит деньги на твой счёт. Самому тебе этим лучше не заниматься – ещё возьмут три десятка пошлин, сам знаешь.

– По рукам! – Роман выглядел довольным.

– Так, ребятки, моя рабочая смена ещё не закончилась, – строго сказал Димка, натягивая перчатки. – Так что брысь отсюда! – он встал на широкую грави-доску, на которой лежал, осматривая Ромин авиамобиль, и улетел в соседний отсек.

– Тяжело тебе будет без авика, – с сочувствием сказал я, когда мы с Ромой поднялись на Третий остров и ждали флаера, который должен был прибыть через семь с половиной минут, если верить надписи на полупрозрачном табло.

– Ничего, я давно хотел купить более мощную машину, пригодную для дальних путешествий, а не только для наших трущоб. – мой друг безмятежно глядел на поток проносившихся мимо авиамобилей.

– А зачем? Ты что, куда-то собираешься? – удивился я.

– Почему бы и нет, – Роман запалил синтетическую сигарету. Стоявшая рядом парочка в тёмных ви-очках тут же отпрянула от него, возмущённо перешёптываясь. Подлетел полупустой флаер, и мой друг запрыгнул в него, помахав мне на прощание. Он отправлялся домой, где его ждала уютная кровать с авто массажем и гармоническими ультраволнами. А меня ждала работа.

– Ю, сложность на девять, – произнёс я. Моя помощница тут же занесла данные в отчёт. Мои виртуальные глаза в тот момент находились в операционной – я управлял роботом-обозревателем, ездившим вокруг кресла пациентки. Операция действительно была сложной: полная замена кожи лица, которое когда-то было сильно обожжено.

Работу проводил Макс – один из наших лучших хирургов. На руках его были особые балансирующие браслеты, предотвращающие малейшую дрожь. С их помощью можно с ювелирной точностью соединять части разорванной ткани, тщательно подгоняя их друг к другу.

Я с замиранием сердца наблюдал, как последний лоскуток биоматериала занимает своё место. Внутри него были сотни мельчайших сосудов, выращенных в специальном инкубаторе

и вживлённых так, что сама мать-природа не отличит от настоящих. Остался последний штрих. Макс принёс тубик с прозрачными нано-гелем и аккуратно нанёс на швы. Уникальная технология: клетки-хамелеоны, выполняющие роль соединительной ткани. Через несколько часов от швов останется лишь тончайшая сеть белёсых рубцов; ещё через сутки исчезнут и они – искусственные клетки адаптируются под естественный цвет эпителия.

Мне нравилось в моей работе именно это: каждый раз быть свидетелем чуда. Я часто жалел, что уровень не позволяет мне быть врачом. Каждый раз мне приходилось строго говорить себе, что у меня другое место в жизни. В конце концов, кто-то должен творить, а кто-то – заниматься архивной работой.

После того, как отчёт был составлен и заархивирован, я отправился в буфет. Выбрал на встроенном в стену мониторе комплексный обед, затем подлетел на своём грави-кресле к дальнему столику и принялся ждать. Минуты не прошло, как ко мне подкатил Альфа – один из наших обслуживающих роботов. Он мне всегда нравился из-за смешного округлого тела на маленьких колёсиках.

– «Говядина-37», «Огурец-20», «Вишнёвый сок-3», – дружелюбно промурлыкал Альфа, ставя передо мной пластиковый поднос с пустой миской и тремя полупрозрачными тубиками.

– Благодарю, – сдержанно кивнул я, выдавливая в миску желеобразный концентрат.

Вдруг я увидел Макса. Он сидел недалеко от меня, и место перед ним было пустым. Мне захотелось расспросить его об особенностях его работы, и я рискнул нарушить покой молодого хирурга. Его смена на сегодня закончилась. Макс сменил светло-зелёный комбинезон медика на закрытый элегантный оверолл⁴ чёрного цвета, делавший его похожим на гимнаста. Длинные кисти рук были скрыты тонкими перчатками из полимера⁵.

– Хороший день! – поприветствовал я его. Макс никак не отреагировал, продолжая ковырять в своей миске с отсутствующим видом.

– Я восхищён вашей работой, – продолжал я, пытаясь его растормошить. – Сегодня я впервые видел комбинирование столь сложных методов лицевого строительства! А ведь я запомнил множество операций...

– Ваша речь громоздка, – устало выдохнул Макс, не поднимая головы.

Мне стало грустно. Молодого хирурга явно раздражало моё присутствие. Его тонкие пальцы нервно барабанили по столу.

– Что хотите знать? – спросил Макс, посмотрев на меня так, будто я был самой большой его проблемой.

– Лишь то, как вы это делаете, – я пожал плечами. – Простой интерес.

– Интерес... трудно понять. Рационально эта информация не поможет вашему карьерному росту, – он говорил сквозь зубы, с трудом подбирая слова.

– Я хотел бы знать, что чувствуете лично вы, когда... – я вздохнул и перешёл на рациональный язык. – Работа. Успех. Удовольствие.

– Удовольствие – нет, – в голосе Макса прозвучало облегчение. – Долг. Процесс. Задача. Безупречность.

– Вы мечтали быть хирургом?

– Мечта? Не ясно. Уровень квалификации – да... – Макс замолчал, доедая свой обед.

Покончив с ним, он тщательно вытер свой рот салфеткой и сказал:

– Если вам интересно, сегодня я работал последний день. Я намерен снова пройти УВТ.

Это был неожиданный поворот. Из досье в архивах я знал, что Макс – хирург Четвёртого уровня, заслуживший в свои тридцать два года блестящую репутацию. Бросить всё это ради

⁴ Оверолл – вариант закрытого облегающего комбинезона. Напоминает дайверский костюм.

⁵ Полимерин – синтетический материал, на ощупь напоминающий замшу.

того, чтобы попытаться повысить свой уровень? Известно же, что Измеритель почти никогда не ошибается. И если тест не покажет более высоких результатов...

– Вы бы никогда не решились, верно? – Макс кивнул мне и поднялся из-за стола. Робот тут же унёс опустевший поднос.

Что ж. Если начальство решило, что Макс достоин более высокого уровня, то пусть. Если повезёт, он получит новую работу и обучится новым навыкам – в молодом возрасте это сделать куда проще. В любом случае, мне уже не удастся полюбоваться на то, как он делает операции. Моя работа стремительно теряла свою прелесть...

Позже я узнал, что Макс не смог пройти тест. Его место занял другой хирург – очень точный и исполнительный, однако в его действиях не было ни лёгкости, ни красоты. Макса больше никогда не видели в «Youngs».

Роман был одержим писательством. Дня не мог прожить без того, чтобы не придумать что-то. Вся его беспокойная жизнь была посвящена поиску идей: Рома целыми днями летал по городу, общаясь с людьми разных уровней. Он постоянно пробовал себя в чём-то новом. Небольшая компания, производившая детские виртуальные игры, охотно покупала у него сюжеты, над которыми потом работали виртуалисты, превращая их в маленькие реальности. Сам Рома называл это болезнью, поскольку, по его словам, идеи просто приходили к нему в голову независимо от того, спит он или бодрствует. Главной сложностью было то, что мой друг не мог долго концентрироваться на чём-то одном. Сюжет, который так радовал его вначале, мог в одночасье ему надоесть, и он не возвращался к нему годами. Иногда он перегорал, и это было настоящей катастрофой: Рома не спал и не ел, жизнь приводила его в уныние.

В ту пору он работал над одной книгой, которая была, как Роман говорил, «квинтэссенцией всей его жизни». Мой друг был уверен, что, издав её, он непременно будет оценён Творцами и попадёт на Седьмой уровень. Однако дело продвигалось медленно, и порой писатель впадал в депрессию.

Как-то раз, зайдя к нему домой, я обнаружил Романа лежащим внутри устрашающего «гроба-солярия». На запястье его был надет расслабляющий браслет – безвредная альтернатива психотропным веществам. Это устройство формирует особые импульсы, поступающие прямо в мозг, в центр удовольствия. Из стоявшего рядом приёмника лилась тихая музыка: Роман в очередной раз переслушивал диск, который мы с Димкой подарили ему на день рождения.

– Ты в порядке? – спросил я, встревоженный его отрешённым видом.

– Знаешь, в чём хитрость этой штуки? – Рома расстегнул браслет и протянул мне. – Она очень быстро разряжается. Чтобы перезарядить, нужно отправиться на медицинскую станцию и заплатить за ещё один сеанс.

– Значит, ты не сойдёшь с ума от передозировки.

– А мне это кажется несправедливым... – Роман дотянулся до проигрывателя и поставил песню заново. – Кит записал этот альбом, когда ему было столько же лет, сколько мне сейчас. Я часто думаю: а чего я добился? Ведь я уже старик...

– Брось, – я уселся рядом с ним. – До старости тебе ещё так же далеко, как и мне.

– Ах, ну да. Не дожить до ста лет просто неприлично... – Роман хихикнул.

– И потом, ты сделал очень много, – продолжал я. – Ты много пишешь, тебя читают и знают. И из окон твоей ячейки можно увидеть солнце...

– Вот! – он поднял вверх указательный палец. – Золотые слова. Работать всю жизнь, чтобы заслужить право хотя бы видеть солнце из окна.

– Я не это имел в виду.

– Ясное дело, – Роман пошарил на полке у себя над головой в поисках сигарет. Нашупал полупустую пачку, щёлкнул автожигом, предложил мне. Некоторое время мы молча курили, каждый думая о своём.

– Знаешь, – наконец сказал мой друг, – рано или поздно я всё равно окажусь там, – он возвёл глаза к потолку, и я понял, что он снова вспоминает Седьмой уровень. – У меня будет дом с просторным зелёным садом. Я заведу какую-нибудь живность, а в саду поставлю письменный стол. Буду сидеть и писать, глядя, как внизу суется город.

Я подавил улыбку. Безнадёжный романтик...

– Ты ведь знаешь, – продолжал Роман, – со всеми этими новыми технологиями мне даже писать ничего не надо. Лежишь себе, сочиняешь, а мысли сами собой высвечиваются на экране пластопа. Только умеешь думать в правильном порядке – больше ничего не требуется. А всё-таки, я бы многое отдал за бумажный черновик. Чтобы черкать в нём и переписывать – никакого совершенства!

– Ну так тетради вполне можно достать в некоторых магазинах.

– Ага. У меня даже есть несколько. Лежат аккуратной стопочкой, чистенькие, почти новые, пиши – не хочу. А не получается.

– Как? У тебя? Не получается?

– Вот так-то! – Роман усмехнулся. – Совсем всё другое, Тал. В голове моей всё перемешалось. Раньше я вынашивал идеи, обвешивал их деталями, как новогоднюю ёлку игрушками. Долго не решался записать, не убедившись, что вот это как раз то, что я искал. А потом, перенеся на бумагу, будто выплёскивал часть себя – настолько приживались во мне мои выдумки. А теперь я в любой момент могу извлечь из своей головы всё, что там вертится, и выйдет неплохо. Вот только это скучно. И думаешь: а надо ли?

– Надо, – твёрдо сказал я. – Я читал твоё «Путешествие на Летту». Раньше я думал, что меня уже ничем не удивить, но тебе это удалось. Не пойму, как ты это делаешь.

Рома зарделся от удовольствия.

– Честно говоря, здесь нет особого секрета, – он смешно пожал плечами. – Знаешь, в юности мне то и дело говорили, что я веду себя как старик, растерявший радости молодости. Но я не был таким на самом деле – я всего лишь был нетерпеливым и злым, делил мир на чёрное и белое. И это мне до сих пор помогает. Обострённость чувств – я нарочно воспитывал её в себе, когда всех моих ровесников постепенно охватывало равнодушие. Один мой учитель когда-то сказал: способность удивляться похожа на способность любить. Поэтому я стараюсь удивляться всему, что вижу и слышу. Так и рождается жизнь на страницах книги.

– Чем больше я знаю тебя, тем больше понимаю, насколько я невежественен, – вздохнул я. – Ты просто ходячая библиотека. Лично я, стоит мне отключить рабочий гиперчип, чувствую себя законченным кретином.

– Мы и есть законченные кретины, – совершенно серьёзно отозвался Роман. – Я даже больше, чем ты, потому что без своих чипов, не будь они постоянно включены, едва ли вспомню, как меня зовут и какой завтра день. Мозги уже не те, запоминать разучились, вот и приходится надеяться на эти железяки. Я же пишущий, мне нужно многое держать в голове... а вот как однажды раз! – и замкнёт что-нибудь! – он рассмеялся.

– Тогда нам с Димкой придётся кормить тебя с ложечки и водить за ручку, – усмехнулся я.

– А я буду говорить нехорошие слова и петь попсовые песенки начала нулевых. Ни то, ни другое забыть невозможно!

Я любил бывать у Димки дома. Вроде бы, стандартная ячейка Третьего уровня, вот только, по сравнению с моей конурой, где почти ничего не было, но, при этом, развернуться было негде, у него было просторно и уютно и воздух всегда свежий: он спал с открытой форточкой даже зимой.

Лёгкие передвижные панели свободно разделяли пространство на небольшую кухню, спальню, ванную и кладовку. Все шкафы были встроенными – не ушибёшься, задев плечом или головой. Весь нехитрый скарб – несколько комплектов универсальной одежды и посуда – занимал только узкую стенную нишу. Зато во всех остальных местах, где только можно, располагалась Димкина коллекция.

Было у моего друга увлечение, от которого у всех знакомых глаза на лоб лезли: он собирал старую технику. К примеру, в спальне у него стоял самый настоящий персональный компьютер. Это нам, старикам, заставшим ту эпоху, понятно, насколько важна такая техника, но продвинутой молодёжи, предпочитающей ви-очки и невесомые полупрозрачные пластопы, сей экспонат начала двадцать первого века кажется чем-то бесполезным.

Зато какими делались лица у собеседников, когда Димка, небрежно пожав плечами, говорил: «Мой компьютер ещё „Windows“ поддерживает». С его помощью даже можно было прогнаться в интернет, который по-прежнему жил своей медленной жизнью где-то на задворках майндвеба.

Помимо компьютера, у Димки было ещё много чего интересного. Кассеты, диски, различные флэш-накопители, старые мобильные телефоны и планшеты разных поколений. Он любил возиться со всем этим хозяйством, заряжал, чинил и изредка использовал. Сколько раз мы вспоминали молодость, просматривая фильмы на старом DVD-плеере!

А ещё он любил игры. Была у Димки такая слабость: вернувшись домой с работы, он мог целую ночь провести за планшетом или компьютером, решая головоломки или проходя миссию за миссией. На ехидные Ромины замечания мой друг невозмутимо отвечал, что компьютерные игры разминают мозги не хуже каких-нибудь кроссовордов.

А ещё у него были книги. Не поверите, бумажные! Старые, разохшиеся, пахнущие пылью, типографской краской и мёдом. Настоящие. Их было не так уж много, всего-то полтора десятка – всё, что осталось от коллекции фантастики, которой Димка зачитывался с детства. Герберт Уэллс, Стивен Кинг, Стругацкие, Нил Гейман, Рэй Брэдбери... и толстенный том «Властелина колец» Толкиена. Продав всё это, Димка мог бы выручить немалые деньги, однако не продал, хоть и предлагали. Он говорил:

– Это моё прошлое, благодаря ему я стал тем, кто есть. Это всё равно, что совершить предательство.

– Ты сам-то в это веришь? – спросил я однажды. Димка пожал плечами, как делал всякий раз, услышав ерунду.

– Ответов может быть много. Почему я не должен верить тому, что сказал?

Тут с ним было не поспорить. Димка всегда говорил, что чувствовал. Кажется, он вообще не умел врать.

Было около шести вечера, когда я позвонил в дверь его ячейки. У меня был короткий рабочий день, но вот насчет Димки я не был уверен: он постоянно менял рабочий график. Однако в этот раз мне удалось его застать. Димка вышел мне навстречу, как всегда, в синем комбинезоне и безукоризненно чистой белой конте⁶, светлые волосы аккуратно зачёсаны назад. В руках он держал миску.

– Голодный, как зверь, – пояснил мой друг. – Я только что вернулся. Проходи.

Я тщательно вытер ноги и поставил ботинки на специально отведённую полочку. Димка не терпел беспорядка и призывал всех ставить вещи на места.

Хозяин дома уже сидел на кухне на высоком стуле.

– Я из-под машин сегодня буквально не вылезал. Десять заказов! Всю спину отлежал себе... – Димка поморщился, потирая поясницу, которая в последнее время довольно часто

⁶ Конта – облегающая рубашка из нано-волокна с длинным рукавом. Устар. фуфайка

его беспокоила. Я заметил на столе перед ним небольшой пластиковый квадратик, на котором в цикле появлялись изображения людей, выполнявших спортивные упражнения.

– А, это опять «Life» свою рекламу всем рассылает, – сказал Димка, оторвавшись от еды. – Я нашёл это под дверью.

– Смотри-ка, новые руки всего за семьдесят кредитов! – присвистнул я. – Дешевоют. Заказать себе, что ли?

– Да ну их! – Димка поморщился.

– Я пошутил, – поспешно сказал я. – Я думаю, в замене частей тела есть что-то неправильное. На первый взгляд, вроде, человек как человек, живой и здоровый. А возьмёшь такого за руку – и рука холодная.

– Холодная, тёплая – какая разница, – Димка налил себе чаю в большую кружку из разноцветных пластиковых полосок. – Неправильность заключается в том, что, отрезая часть себя и заменяя её на искусственную, пусть и живую, специально выращенную, человек что-то теряет всё равно. Будь я учёным, я бы вывел некий коэффициент человечности – порог, перейдя который, живое существо может считаться гибридом.

– Не надо, – рассмеялся я. – Ты бы получил премию за Особые заслуги и ушёл на Седьмой уровень. С кем бы я тогда разговаривал?

– Рома тоже отличный собеседник, – ухмыльнулся Димка.

Внезапно у двери раздался звонок.

– Лёгко на помине, однако! – я взглянул на небольшой экран в стене. – Ты ждал его?

– Нет, – вздохнул Димка. – Но никогда не знаешь, что у него на уме, верно? – мысленным импульсом он снял блокировку с двери, и в ячейку ввалился Роман.

Заходить спокойно у него никогда не получалось. Куда бы наш друг ни вошёл, обязательно запнётся ногой за дверной косяк, треснет головой о полку или повалит старый энергодюб, приготовленный на выброс. В общем, каждое его появление сопровождается грохотом и разрушениями. Вот и сейчас Роман топтался у двери, с шипением потирая ушибленное плечо.

– Чёрт, ваши квартиры сводят меня с ума!

– И тебе доброго вечера, – улыбнулся Димка. – Проходи, пожалуйста.

Наш друг был, как всегда, живописен: армейские брюки маскировочной раскраски, пёстрая майка, рубашка с нашивками древних рок-групп и неизменная бандана, придерживающая растрёпанные вихры. Живи капитан Тиг⁷ в двадцать первом веке, он бы выглядел примерно так.

– О, и ты здесь! – обрадовался Рома, увидев меня.

– Ага. У нас внеочередное заседание философского клуба. Но учти, еды у нас нет.

– Это не проблема, – Роман поднял с пола пакеты, которые принёс с собой, и протянул мне. Заглянув внутрь, я присвистнул: там были конфеты, вино и апельсины. Учитывая, что нормальной, не синтетической еды можно достать только по бешеным ценам и далеко не везде, это было настоящим чудом.

– В честь чего гуляем? – полюбопытствовал Димка, изучая содержимое пакетов.

– Я купил новый авик! – Роман широко улыбнулся. – И сейчас мы знатно прокатимся!

– Сначала апельсины, – строго сказал Димка, пряча улыбку. – А вино тебе вообще нельзя, раз ты за рулём.

– Ай, брось! Лучше поздравь меня! – Роман откупорил бутылку.

– Я от всей души тебя поздравляю. Надо сказать, что я восхищён твоей прытью, несмотря на то, что в наше время можно мгновенно совершить любую сделку.

– Я просто знал, что искать, – ухмыльнулся наш друг.

⁷ Капитан Тиг – герой фильма «Пираты Карибского моря»

Мы выпили немного шипучего вина, которое скорее бодрило, чем пьянило (такие нынче ГОСТы на алкоголь) и закусили апельсинами, которые были кислыми до умопомрачения, но зато настоящими. После чего отправились поглядеть на Ромино приобретение.

Роман оставил свой авик прямо среди парковки, заблокировав всех наших соседей. Машина и вправду была хороша. По форме авиамобиль напоминал букву «V». Сверху из корпуса выдавался каплевидный купол кабины из прозрачного нано-стекла. Цвет обшивки мне понравился: ярко-вишнёвый сверху, он переходил в благородно-винный у линии борта.

– Фирма «Асф», модель «Летающий Ви», – безошибочно определил Димка. Роман весь засиял от его одобрительного взгляда.

– Я назвал его Арчи, – сказал он с такой нежностью в голосе, будто это был его родной сын.

– Проверим, заслуживает ли машина имени, – деловито сказал Димка, направляясь к кабине пилота.

– Это обязательно? – уточнил я.

– Конечно. Разве можно пропускать тест-драйв от самого великого мастера механизмов? – Роман откинул одну из движущихся панелей купола и забрался на заднее сиденье. – Так ты с нами?

Я вздохнул. Что мне ещё оставалось?

Димка рванул с места, сразу дав вертикальный взлёт. Нас вдавило в кресло. Мысленно я поблагодарил небеса за то, что успел накинуть на себя магнитный ремень. Знал бы я, что Димка, спокойный и интеллигентный человек, окажется таким лихачом – в жизни бы не сел с ним в машину!

Арчи пулей понёсся между домов. Димка спокойно жал на рычаг, постепенно сдвигая его к максимальному значению. Лицо его оставалось безмятежным, словно он пил чай у себя на кухне.

Огни за бортом превратились в сплошную пёструю ленту. Уши заложило. Четыре двигателя издавали мерный рокочущий шум, указывавший на их полную отдачу.

– Теперь крен, – сказал Димка.

– Нет! – вырвалось у меня.

– Давай! – Роман весело засмеялся и пихнул меня локтем.

Мир сделал сальто. Димка обвёл машину вокруг крайней точки правого крыла, словно циркулем вычертив окружность.

– Штопор, – сообщил наш пилот. Мир перевернулся трижды, да так быстро, что я даже не успел испугаться, увидев под собой город сквозь прозрачный купол.

– Ну и хватит, наверное... – Димка замедлил ход, переводя авиамобиль в режим автопилота. Жужжание двигателей тут же прекратилось, и стало тихо. Наш друг перебрался на заднее сиденье, уступая место Роме.

– Ну, с боевым крещением, как говорится! – сказал он, блаженно растянувшись на мягком пенотеновом кресле. – Хорошая у тебя машина. Двигатели отличные, по их звуку слышно, что калибровка в норме. Шумоизоляция, правда, не очень, но, в конце концов, это же не спортивная модель.

Роман широко улыбнулся, довольный Димкиным вердиктом. Вынув из кармана портативный майндсаунд, он бросил её нам.

– Поставьте что-нибудь, а?

– Полагаешься на мой вкус, дорогуша? – усмехнулся Димка, подключаясь к аппарату. Раздался лёгкий шум, а затем в салоне зазвучал голос Дэвида Боуи.

– Сойдёт для начала, – отозвался Роман.

Авиамобиль полетел быстрее. Мы кружили вокруг старого центра Москвы. Рома заложил крутой вираж и спустился ниже. Между небоскрёбами образовался просвет, и нашим гла-

зам предстал колоссальных размеров стеклянный купол, под которым угадывалась Красная площадь. Перекрёстный свет шестидесяти четырёх прожекторов высвечивал древние стены Кремля.

Помню, когда в тридцатые годы перестраивали город, Красную площадь со всеми её зданиями решили законсервировать до лучших времён. Из-под купола был выкачан весь воздух, и теперь символ Москвы спрятан среди плотно обступивших его домов, словно памятник полузабытой истории, и если бы не круглосуточное освещение, большинство жителей бы даже не подозревало о его существовании.

– Тал, твоя очередь садиться за руль, – Роман перебрался к нам, предоставляя машине самостоятельно лавировать между небоскрёбами. С его стороны это было более чем великодушное предложение, но я поспешил отказаться.

– Я уже лет двадцать на автопилоте летаю...

– Толик, не глупи, – строго сказал Димка. – Вождение – это базовый навык, ты просто не можешь не справиться.

– Но машина же новая... – попытался отпереться я.

– Всё когда-то было новым, – Роман подтолкнул меня к водительскому сиденью. Я вздохнул и взялся за рычаг. Арчи тут же пошёл мягче, подчиняясь каждому моему движению. Видимо, он был оснащён интеллектуальной системой контроля, которая тут же подстроилась под мои предпочтения. Осмелев, я решил сделать крен. Машина подчинилась и легла на левое крыло. В таком положении я облетел крупный торговый центр.

– Можешь ведь, когда захочешь! – ухмыльнулся Рома, когда я вновь пустил его на водительское кресло. – Ты скрытый экстремал, Тал!

– Кто меня знает, – улыбнулся я, устраиваясь рядом с Димкой на мягкой пене сиденья.

– Кстати, здесь, в старом городе, живут мои друзья, – сказал Роман. – Я давно хотел кое-что им привезти. Заедем?

Мы с Димкой не имели ничего против.

Сейчас мало кто бывает в старом центре нижнего города. Это совсем другой мир, со своими тайнами и легендами. Узкие улицы и кривые переулки скрыты от глаз в темноте и тишине Первого уровня, где только призрачный свет люменов круглосуточно освещает побитые временем стены, затянутые тончайшей нано-плёнкой, которая защищает здания от разрушений. Местами улицы превращаются в крытые коридоры: глухие навесы из пластовых листов, поставленные здесь ещё тридцать лет назад, сверху покрылись толстым слоем городской пыли, похоронившей под собой гигантский лабиринт, который стал самым фантастическим из музеев.

Изначально в старом городе предполагалось проводить экскурсии, но потом власти быстро поняли, что Первый уровень с его мрачной невидимой жизнью не безопасен для подобных мероприятий, и исторический центр Москвы решено было законсервировать – до тех пор, пока не настанет более благоприятное «потом». С тех пор паутина старинных улочек, мосты и набережные – всё, от укрытого под куполом Кремля до Первого кольца превратилось в катакомбы, закрытые для простых обывателей.

Арчи кое-как уместился на каком-то техническом кубе. Спустившись вниз по приставной лестнице, мы оказались в мрачном тупике между стеной дома и забором. Однако Роман знал здесь каждую щель. Он уверенно поманил нас с Димкой к железному ограждению.

– Тут, конечно, всё под наблюдением, – сказал наш друг, отодвигая в сторону ржавый скрипучий лист, из которого были вынуты фиксирующие штыри. – Но сигнал у камер очень слабый. Я раздобыл на барахолке одну штучку... – Рома вынул из кармана и показал нам что-то вроде монетки с короткой проволочной антенной. – Она создаёт помехи. Поэтому держитесь рядом со мной, и всё будет в порядке.

– Ты всё предусмотрел, – уважительно сказал Димка.

– Просто мне довольно часто приходится бывать в таких местах, – улыбнулся наш друг.

– Что ж, тогда веди нас, Сусанин, потому что я здесь лет сто уже не бывал.

Я подключился к сети и вывел на экран ви-очков карту старой Москвы. Судя по её показаниям, мы находились где-то в районе Китай-города. Однако нашему продвижению карта не могла помочь: в этом закрытом лабиринте то и дело встречались какие-то препятствия в виде проржавевших автомобилей, преграждавших проход, и неустойчивых колонн из кирпичей и железных прутьев, подпиравших навес. Роман вёл нас какими-то ему одному известными тропами, то ныряя в арки, то проходя сквозь дома, забираясь в них прямо через выбитые окна. Казалось, у него в голове есть особая карта.

– Здесь вообще кто-нибудь живёт? – поинтересовался Димка.

– А как же! – Рома постучал кулаком по одной из облупленных стен. – Москва слишком маленькая теперь, она не может вместить всех жителей. Любая закрытая территория заселена, что бы вам ни говорили официальные источники.

– Тогда где же все? – встревоженно спросил я, оглядываясь по сторонам. До сих пор мы не встретили ни души. Рома пожал плечами.

– Здесь не любят посторонних. Полиция и следящие иногда прочёсывают эти улицы в поисках нарушителей, поэтому люди прячутся. Кстати, мы почти пришли.

Навеса над улицей больше не было. Подняв голову, можно было увидеть мельтешащие огни где-то высоко-высоко в грязно-бурой мгле: это было скоростное шоссе Третьей петли. Казалось, мы находимся на самом дне морской впадины и пытаемся рассмотреть невидимую поверхность, как, наверное, делают удильщики.

На углу старого здания я увидел выцветшую табличку: «Хохловский переулок».

– Сюда, – Роман завернул за угол, и нашим глазам предстал покосившийся дом с широким крыльцом. Доски высохли от времени, лак на них давно истёрся. Рома забарабанил в широкую железную дверь, рядом с которой висел маленький люмен.

– Кто это? – дверь открыла миниатюрная светловолосая девушка в мешковатом латаном-перелатанном комбинезоне не по росту. У неё было бледное измождённое лицо, свидетельствующее о нелёгкой жизни. За спиной девушки прятался лохматый мальчишка лет восьми на вид, одетый в толстый мужской свитер чуть ли не до пят.

– Ин! – Роман порывисто обнял незнакомку за тонкие плечи.

– Боже мой, Рома! Сколько же мы не виделись? – она со смехом отстранилась и оглядела нас с Димкой. – Входите скорей!

Мы вошли в тесную прихожую, где пахло пылью и мокрой штукатуркой. Скорее всего, когда-то здесь был бар или кафе в деревенском стиле. Массивные деревянные колонны подпирали низкий потолок; большая комната была перегорожена листами фанеры, кое-как прибитыми к потолочным балкам. В комнате побольше было два низких окна, занавешенных чем-то разноцветным и блестящим. Подойдя ближе, я разглядел, что это длинные нити, сплетённые из фольги и пищевых обёрток.

– Дорис, к нам гости! – крикнула Ин. Послышались грузные шаги, и из соседней каморки медленно вышла пухлая старушка в выцветшей куртке с логотипом «Сочи-2014» и в нескольких юбках, выглядывавших одна из-под другой.

– Кто это, кто это? – близоруко шурясь, спросила старушка. – В первый раз вижу!

– Да ладно тебе, Дори, – Роман улыбнулся и заключил её в объятия. – С тобой мы давно знакомы. Ты любишь лапшу из «Вок» и группу «Imagine Dragons». А по пятницам ты пересматриваешь «Доктора Кто».

– Верно... – удивлённо сказала Дорис и взглянула более доверчиво. – Ты же Вова, да?

– Рома. А это мои друзья – Дима и Толик.

– Ох, где-то у меня было... – Дорис, не договорив, поспешила в свою каморку.

– Гляди-ка, скоро она запомнит твоё имя, – улыбнулась Ин. Однако улыбка вышла невесёлой.

– Сестрёнка, у меня кое-что есть для вас, я за этим и приехал! – Роман пошарил в карманах брюк и выудил зеленоватую пластиковую карточку.

– С ума сошёл? Это же почти месяц в супермаркете! – запротестовала Ин. Но Рома бесцеремонно сунул карточку ей в руки.

– Возьми. Мне скоро сделают новую.

Лицо девушки тут же просветлело.

– Теперь мы сможем взять целую тубу «Мяса-6»! И белковый суп... и даже, наверное, шоколад! Арни давно просил... – она с нежностью взглянула на растрёпанного пацанёнка, сидевшего в углу со сломанным игрушечным роботом в руках.

Тут вернулась Дорис, неся с собой какую-то бутылку, наполовину наполненную тёмной жидкостью. Водрузила её на покосившийся деревянный стол и принялась колдовать у закопчённой плитки.

– Почему у неё имя такое странное, Дорис? – вполголоса спросил я у Ромы.

– На самом деле её зовут Татьяна, – отозвался мой друг. – Просто однажды её сбила машина, и она потеряла память. Ей трудно запоминать и новые вещи тоже...

– На мамин мозгочип загрузили чужую память, – добавила Ин, расставляя на столе одноразовую посуду. – Конечно, это нельзя назвать нормальной памятью... это история одной киношной женщины, немного похожая на её собственную. Но зато мама помнит, что у неё есть дочь и внук, только она нас называет по-другому.

– Да, – со вздохом сказал Рома, – поэтому Дори часто вспоминает своего мужа Антонио, который зарабатывает миллионы нефтяным бизнесом. Она думает, что однажды он приедет и заберёт свою семью из этих трущоб.

– А мой настоящий папа умер, – тихо сказала Ин. – Я ещё в школу ходила. Но зато мама надеется... Садитесь, сейчас будет ужин.

– Рома, в следующий раз, когда соберёшься сюда, предупреди заранее! – Димка толкнул его локтем. Роман слегка покраснел.

– Извини, я не должен был...

– погоди, дослушай! У меня дома два блока пайкового хлеба лежат, я его лучше тебе отдам!

– Спасибо, – Роман виновато улыбнулся: мол, не сообразил, что поделаешь.

Мы устроились за столом на шатких табуретках. К нам нерешительно подошёл Арн. Оглядел, смущённо посасывая палец. Рома сгрёб его и усадил к себе на колени, взлохматив жёсткие торчащие волосы на макушке.

– Ин, вы же подавали заявку на чип? В августе, вроде, ещё?

– Да, они уже прислали ответное письмо. С печатью, – Ин пошарила на низкой полке и чуть дрожащей рукой протянула Роме помятый серый конверт с алой гербовой печатью. Димка присвистнул: бумажные письма приходят лишь в крайне важных случаях и от очень высоких инстанций.

Роман вынул письмо и быстро пробежал глазами печатный текст. Лицо его помрачнело.

– Отказ? Снова? Но почему? – он недоверчиво взглянул на Арна. – Ведь АС-показатели⁸ почти в норме!

– В том и дело, что «почти», – грустно усмехнулась Ин. – Не хватает всего каких-то маленьких процентов. Арну могли бы поставить Первый уровень, закрыв глаза на небольшую разницу в цифрах, вот только ему уже одиннадцать.

⁸ АС – коэффициент адаптации мозга к чипу

Всё было ясно. Тест на определение уровня дети проходили в семи – восьмилетнем возрасте. После этого им вживлялся мозгочип, с которым они проходили семилетний учебный курс, включавший в себя адаптацию к устройству, обучение сбору информации, тренинги по работе с майндвебом, ну и параллельно – загрузку в память базовых знаний по всем наукам, в том числе и стандарта русского литературного языка (для чистоты речи). После этого каждый получал список профессий, которые мог освоить со своим уровнем, и выбирал одну из них, по которой трудился всю оставшуюся жизнь. Обучение профессиональным навыкам длилось ещё три года, после чего молодые специалисты тут же приступали к работе.

Всё бы ничего, но по новому закону, введённому два года назад, детям после одиннадцати лет уже нельзя было вживлять чипы, если это не было сделано ранее, поскольку в городе проводился учёт всех жителей, и на каждую возрастную категорию уже было рассчитано число доступных рабочих мест. Спрашивается, почему раньше это никого не волновало?

– Он же вовсе не особенный, – дрогнувшим голосом произнесла Ин. – Просто не такой пряткий. Я читаю ему каждый вечер и рассказываю всё, что знаю. Арни всё понимает. У него очень светлая голова, – она улыбнулась. – Говорят, если давать ему развивающие игры, то он догонит своих сверстников. К примеру, он хорошо проходит лабиринт и кубик-рубик может собрать. Я тут подала ещё одну заявку, мы через месяц пройдем ещё один тест. А если нет, то нас отправят в Институт Полезности. Это ведь тоже неплохо, правда?

Я мысленно вздрогнул. Институт Полезности распределял людей в такие места, где они ценились не выше животных. В лаборатории, к примеру, где на людях тестировали новые препараты, искусственные органы и ещё чёрт знает, что. Такая работа неплохо оплачивалась, вот только не было никаких гарантий, что подопытный проживёт долго. Была ещё работа в цирке, но о ней я слышал совсем немного. Вроде бы, там готовили бесстрашных трюкачей, способных балансировать на грани жизни и смерти, чтобы повергнуть в трепет зрителей, которые так любят острые зрелища.

Я взглянул на Арна. У парнишки была незавидная судьба. Всего лишь потому, что его мозг был не способен работать с чипом.

Наконец ужин был готов. Мы втроем отказались от скудной похлёбки, объявив, что сыты. Дорис кормила Арна с ложки, а Ин до блеска вычищала пакет из-под белковой каши. Увидев мой вопросительный взгляд, она смущённо пояснила:

– Мы собираем пустую посуду. Если наберётся много пустых пачек, их можно обменять на одну полную.

Я поспешно отвернулся, сознавая, что живу в раю, по сравнению с ней.

– А как твои успехи в играх? – спросил Роман у девушки, чтобы завязать разговор.

– О, вы играете в игры? – оживился Димка.

Ин кивнула.

– Здесь недалеко от нас построили несколько ангаров с имитаторами. Ничего особенного – виртуальный бокс, бадминтон, бег...

– Всё это смешно, – подал голос я. – Люди впадают в гипно-сон и подключаются к виртуальной реальности, чтобы сделать то, что можно делать и вживую!

– Тал, ты не понимаешь... – отмахнулся Рома.

– А вот я согласна, – улыбнулась Ин. – Я бы с удовольствием побегала сама или подержала в руках настоящие мячи и ракетки. Но, к сожалению, у нас здесь совсем нет места для игр, а доступ на площадки верхних уровней стоит дорого. Зато за выигрыш в имитаторе иногда платят. Можно неделю жить.

– Я слышал, на Втором уровне есть павильон с космическими миссиями, – сказал Димка. – И цены там вполне демократичные.

– О, это «Империя игр», правильно? – обрадовалась Ин. – Я там бываю иногда. Совсем недавно прошла все миссии в «Колонии 126». Это про экспедицию на Марс и войну с пришель-

цами. У нас была очень хорошая команда – к сожалению, я не знаю этих людей в реале. Мы отлично помогали друг другу, придумывали стратегии, да и вообще... – девушка обвела затуманившимся взглядом комнату, скудный стол и наши лица. – Иногда кажется, что всё настоящее – там. В играх мы носим доспехи, заключаем союзы, общаемся. Попробуй, подойди к кому-нибудь на улице и попроси что-нибудь сделать – точно в Исправитель заберут. А в игре ты, вроде как, кому-то нужен и сражаешься за добро...

– Философский вопрос нашего времени, – отозвался Димка. – Что лучше: спасти парочку миров в игре или прожить жизнь в реальном мире так, как получается? Наверное, я вас понимаю.

Подоспел чай. Дорис предложила всем тёмной настойки из бутылки, но, судя по запаху, она давно уже перебродила, поэтому мы отказались. Роман принёс откуда-то облупленную гитару и засел в углу, задумчиво перебирая струны:

– «О, моей жизни сегодня грозит буря. Если не найду приюта – точно пропаду...»⁹

– В нашем свадебном путешествии Антонио так здорово играл на банджо! – мечтательно протянула Дорис. Глаза старушки подозрительно блеснули.

– Не эту ли? – Рома затаил какой-то испанский романс, и Дорис к нему присоединилась, периодически делая глоток настойки. Я с удивлением смотрел на эту странную парочку.

Димка сидел на низкой тахте у стены, Арн свернулся калачиком у него на коленях. Мой друг рассеянно гладил ребёнка по голове, а Ин то и дело улыбалась, глядя на него и раскачиваясь в такт Роминой игре.

Наконец Дорис спохватилась, что внука давно пора укладывать спать, и, пошатываясь, вышла из-за стола, звонко чмокнув Романа в щёку напоследок.

– Пора и нам, – смущённо сказал тот.

– Я провожу вас! – с энтузиазмом вызвалась Ин.

Мы вышли из дома в сумрак ночной улицы.

– Я кое-что хочу показать вам, – Ин поманила нас за угол. Она остановилась в широком переулке возле стены дома, выкрашенной облупившейся голубой краской. На кирпичках был приклеен барельеф из белого камня, изображавший странного человека с головой ящера, одетого в длиннополые одежды, в подобии щетинистого шлема на голове и с большими крыльями за спиной, как у ангела. В левой руке он держал то ли ведро, то ли корзину, на которой была выбита надпись: «My name is space»¹⁰.

– Ух ты! – присвистнул Димка. – Никогда такого не видел!

– Я думаю, это хранитель, – Ин смущённо улыбнулась. – Иногда я прихожу сюда и прошу, чтобы стало лучше. И помогает.

– Ты когда-нибудь была в церкви? – поинтересовался Рома.

– Нет. В старом городе все храмы закрыты до лучших времён. Но мне рассказывали, что там есть много картинок, где люди с крыльями, и у них все просят... – девушка пошарила в карманах комбинезона и вынула крохотный люмен-искорку с маленькой батарейкой. Зажгла его и закрепила на голове у ящера. Затем как-то беспомощно взглянула на Рому, закусив губу.

– Как думаешь, они ведь одобряют нашу заявку, правда?

Тот молча притянул её к себе.

⁹ Rolling Stones «Gimme Shelter»

¹⁰ Моё имя – космос (англ.)

Глава Вторая

*After all is said and done
Gotta move while it's still fun
Let me walk before they make me run
(Keith Richards «Before they make me run»)¹¹*

Пятница выдалась тяжёлой.

Для начала, мне пришлось связаться с двадцатью бывшими пациентами «Youngs» и подробно запомнить их отзывы о нашей компании, а также рассказы о состоянии здоровья и намерениях на будущее – как ни странно, последнее тоже было важно для отчётности: мы должны были знать, какие возможности открываются перед нашими пациентами после лечения и как изменяется их настроение.

Затем я присутствовал на двух операциях по коррекции зрения. Тончайшие нано-линзы приживляются прямо к главному яблоку. Они бывают нескольких видов. Самые простые и дешёвые – призмы наподобие устаревших контактных линз. Есть более дорогие – с элементами «умной» электроники, автоматически подстраивающиеся под хозяина. И, наконец, линзы-реалити – новейшая американская технология, перенявшая свойства ви-очков. Зрение с этими линзами улучшается многократно, дополняясь способностью произвольно увеличивать и уменьшать видимые объекты, видеть вещи изнутри и переводить любые надписи. По правде сказать, я бы такие себе не поставил, даже будь у меня деньги – всё же, ви-очки куда удобнее, пусть и считаются громоздкими и устаревающими. Во всяком случае, если в них произойдёт сбой, их просто можно снять. А если сбой произойдёт в твоём глазу... впрочем, производители всех этих технологий в один голос утверждают, что вероятность сбоя настолько мала, что риска никакого нет. Кто их знает...

После обеда в моей голове раздалось назойливое жужжание. В памяти тут же всплыл Ромин номер.

«Не сейчас», – отрывисто подумал я. На мне лежало ещё несколько десятков отчётов, и мне хотелось приступить к ним как можно скорее.

«В шесть на Плато», – Роман исчез из моего сознания так же внезапно, как и появился.

Признаюсь, его приглашение меня взбесило. Так уж устроена защитная реакция: пока человек созерцает четыре измерения через ви-очки, а его мозг со скоростью супер-процессора обрабатывает тонны профессиональной информации, все желания живого «я» отходят на второй план. В рабочем состоянии я искренне считал, что являюсь самым серьёзным человеком во вселенной, а все остальные – просто бездельники, валяющие дурака. Особенно Роман, который так толком и не работал никогда, однако, при всей своей безалаберности, умудрялся быть вполне счастливым...

Так, продолжая мысленно досадовать, я взглянул на виртуальные часы. До шести оставалось чуть больше получаса. Ровно в это время заканчивался мой рабочий день. До Плато на автомобиле – я прикинул – двадцать три минуты сорок шесть секунд. Нет-нет, у меня ещё полно работы. Нужно занести в базу вчерашних клиентов и задокументировать ход операции по пересадке волос. В конце концов, я ответственный работник, и если я буду отвлекаться на глупости, я не только ничего не добьюсь в остаток своей жизни, но и останусь без зарплаты...

Чёртов искуситель.

¹¹ Когда всё будет сделано и сказано, Я уйду, пока мне ещё весело, Позволь мне уйти, пока они не заставили меня бежать

Коротким мысленным импульсом я вызвал в кабинет Юлию, отлучившуюся на ланч. Мадам дисциплинированный помощник появилась незамедлительно – слава тапочкам-антигравам.

– Ю, срочно, нежелательно, перспективно, длительно, – я отключил очки, снял пластиковый обруч с головы и положил оборудование в сейф.

– Необходимо? – уточнила Юлия.

– Определённо. Сообщите Владу, что отчётность на восемь- и девять-шестьдесят пять прервана на пункте сто семнадцать. Доделаю в следующую смену.

– Добро. Принято, – Юлия кивнула, затем улыбнулась краем рта. – Особые условия?

– Конфиденциально, – я кивнул ей и поспешил выйти. Всё же понимающий был у меня ассистент...

Такси ждало меня у стеклянных дверей. До Плато я домчался всего за двадцать минут.

Это был технический куб Третьего уровня с широкой пустой крышей – отличное место для нелегальной парковки. От посторонних глаз площадку скрывали два огромных рекламных щита.

Приземлившись, я увидел вишнёвого Арчи, сиявшего в блеске люменов. По сравнению с ним, старенькая общественная машина казалась чудовищной развалиной.

– Можешь ведь, когда захочешь, – улыбнулся Роман, когда я выбрался из авиамобиля и приблизился. Мой друг стоял в пижонской позе, скрестив руки на груди и прислонившись к борту машины. Волосы его были в высшей степени растрёпанности, от диких расцветок одежды рябило в глазах. На лбу примостился щиток ночного видения, напоминавший старинные авиаторские очки.

– Я понятия не имею, что ты задумал. Учти, я профилировал целых полчаса службы, и представь себе, сколько ещё я мог бы...

– Полезай в кабину, – безапелляционным тоном произнёс Роман и поднял для меня панель.

В полутёмном салоне меня ждал сюрприз. На широком пенотеновом сиденье расположился Димка.

– Привет! – весело сказал он и улыбнулся. Его было не узнать: Димка сменил привычный безукоризненно аккуратный комбинезон на вытертые джинсы, просторную зелёную рубашку и белую футболку с капитаном Америкой на груди. В таком наряде он казался моложе и походил на студента.

– Ага, так это был заговор! – торжествующе сказал я, устраиваясь рядом с ним. Роман хмыкнул и уселся за панель управления. Димка примирительно поднял руку.

– Ещё час назад я ругался почище старого сапожника. Этот хитрец вызвал меня с уточнением «сверхсрочно». Мне пришлось бросить работу с центрической нано-капсулой и нестись сюда на всех парах. Правда, выяснив, в чём дело, я уговорил Рому свозить меня домой, чтобы я смог переодеться и собрать кое-какие вещи, – Димка протянул мне початую бутылку «Джесс» – слабого алкогольного напитка.

– Хватит строить из себя невинных жертв! – Роман запустил бесшумные двигатели и резко взлетел. – Устроим небольшое путешествие. Верну вас в целостности и сохранности. – Он вырулил на шоссе.

Только теперь я заметил на сиденье большую сумку, набитую какими-то вещами. Этот злодей явно собирался увезти нас далеко – недаром ему так нужна была мощная машина.

Мы стремительно набирали высоту. Оранжевые закатные лучи залили кабину – Арчи пролетал над центром города, где здания ниже и стоят свободнее. Как замороженный, я смотрел на проплывающие внизу башни Москвы-Сити. Здесь было зелено. Знаменитые сады раскинулись на каждой крыше. Деревья и кустарники слегка покачивались в потоках дующего

на высоте ветра; в лучах солнца их ветви казались сплетёнными из тончайшей золотой проволоки.

Предупредительно пискнул сигнал автопилота – мы поднялись до Шестого уровня. Я удивлённо ойкнул. Димка, бросив быстрый взгляд на панель управления, задумчиво произнёс:

– Ох и оштрафуют тебя, если поймают...

Роман довольно заулыбался.

– Не поймают. С документами у меня всё в порядке. А ограничитель высоты... ну, подумаешь – сломался...

Сзади возмущённо засигналили – дерзкая «четвёрка» на заднем бампере Арчи подействовала на местных пилотов, как красная тряпка на быка.

– А в законе не прописано, что нам сюда нельзя! – сварливо отозвался Роман и прибавил газу: – Ох и стар я для всего этого, ребятки!

Миновав несколько кварталов, Арчи нырнул в широкую крытую галерею, образованную глухой стеной торгового центра справа и широкими стеклянными колоннами слева.

– Это единственный путь, по которому можно спокойно попасть за город, – пояснил Рома. – На шоссе стоят кордоны.

Галерея превратилась в туннель, слабо освещённый точечными люменами. И тут позади нас раздался гудок, напоминавший пронзительный рёв.

– Поезд... – тихо сказал Димка. Я впервые увидел испуг в его глазах.

Да, нынешний поезд Спида – это вам не старинная электричка, которая даже до скорости звука не могла разогнаться! Обтекаемая серебристая махина тут же села нам на хвост, и деваться из туннеля, кроме как вперёд, было некуда.

– Держитесь, ребята! – крикнул Роман. Арчи дёрнулся и понёсся в два раза быстрее – притом, что мы и так летели на предельной скорости.

– Не волнуйтесь, в черте города Спида не разгоняется до максимума...

– Скажи это своему палёному турбо ускорителю! – сквозь зубы процедил Димка.

Поезд приближался. Ярко-синие огни ослепили меня, когда я обернулся назад.

– Пятьсот метров до выезда! – крикнул Роман, перекрывая нарастающий снаружи грохот.

– Клянусь моим компьютером... – пробормотал Димка.

– Догоняет! – завопил я, не в силах отвести взгляд от острого серебристого «носа», мерцающего в свете фар.

– Двести метров!

Тут машину тряхнуло так, что мы с Димкой скатились на пол, а Роман хрипло выругался. Я успел заметить, как за бортом промелькнули огненные искры. А потом в кабину ударил солнечный свет. Арчи взмыл вверх, вылетев из туннеля, как пробка из бутылки. Высокий виадук, по которому нёсся Спида, остался позади.

– Всё-таки, он нам поцарапал хвост, – раздался недовольный Ромин голос.

– «Поцарапал», значит... – я бросился на нашего водителя, чтобы как следует надрать ему уши. А Димка рухнул на сиденье и с облегчением расхохотался.

Мы летели уже второй час. Роман лениво двигал рычагом, мурлыча под нос песенку, Димка спал, откинувшись на сиденье, а я смотрел наружу сквозь прозрачный купол.

До того, как солнце скрылось за горизонтом, внизу потянулись стеклянные блоки висячих ферм. Ровные зелёные, жёлтые и коричневые квадраты гигантских теплиц, приподнятых над землёй на десять метров на тонких стальных опорах, тянулись до самого края земли, словно клетки фантастической шахматной доски.

Когда стемнело, Роман повёл Арчи над скоростными путями Спида, изгибавшимися далеко внизу подобно сияющей золотой нити.

– Может быть, снизимся? – тихо, чтобы не разбудить Димку, попросил я. Рома аккуратно увёл машину вниз и полетел вровень с узким жёлобом, в котором прятались рельсы. Две цепочки из жёлтых люменов тянулись над путями, напоминая взлётно-посадочную полосу, проложенную прямо в небе.

– Хочешь порулить? – Роман повернулся ко мне. В его тёмных глазах отражались жёлтые точки. Я перелез в водительский отсек и занял его место, а мой друг с ногами взобрался на пассажирское кресло.

– Вообще-то, можно было поставить на автопилот, – вполголоса сказал он. – Но так ведь интереснее...

– Так интереснее, – эхом отозвался я, лёгким движением руки заставляя Арчи лететь ещё ниже. В тишине было слышно, как верхушки сухих трав хлещут по днищу авиамобиля.

– Я давно хотел вырваться из города, – признался Рома после недолгого молчания.

– Что в этом такого особенного? – спросил я.

– Как что? Приключенческий дух, романтика!

– Но зачем тебе это всё? – с нажимом спросил я. – Я всегда думал, что романтика для тебя – это прорубаться с мачете через дебри Амазонки. Никак не шашлыки в деревне.

– Но у Амазонки давно уже нет никаких дебрей, и кто знает, когда люди их возродят, – он тяжело вздохнул. – Байкал давно пересох, египетские пирамиды разрушились, вершину Эвереста снесло ядерным ударом. А Творцы продают людям ви-очки. Благодаря которым можно почувствовать себя Колумбами, Беллинсгаузенами или Кусто, не вставая с дивана. Сейчас даже внутри страны мало кто ездит, не говоря уже о дальних странах. Всё остановилось, Тал. И люди уже забыли, что там, внизу... – он указал пальцем на стекло купола, за которым не было видно ничего, кроме жёлтых огней.

– Иногда мне становится страшно, – тихо сказал мой друг. – Что в один прекрасный день я перестану чего-то хотеть. Это ведь и есть старость, Толька. Я не хочу дожить до того дня, когда не смогу схватить вас в охапку и увезти. И вы ведь даже не скрипите возмущённо, вот что интересно!

– Повезло тебе с нами, – улыбнулся я. А затем признался: – Я уже тридцать лет не выезжал из Москвы. Хоть я и не люблю эти виртуальные штучки – у меня голова от них болит. Но ведь сейчас путешествовать такая морока, да и вообще это нерационально...

– Тал, если бы ты искренне верил в рациональность, о которой нам на каждом углу талдычат, мы бы с тобой просто не встретились. Все эти разговоры – только для того, чтобы люди перестали хотеть изменить свою жизнь, вылезти из зоны комфорта. Чтобы старики так и оставались стариками, а молодые никогда не стали любопытными. Так удобно всем, кто зарабатывает на нашем комфорте. Но ты ведь ещё не конченный, Тал! – он серьёзно посмотрел мне в лицо. – Вы с Димкой живые. Таким нельзя подолгу оставаться на одном месте...

– Это всё Укрепляющая вода. От неё в мозгах слишком много беззаботности... – я посмотрел на Рому и улыбнулся. Этот тощий долговязый субъект с вечно растрёпанной шевелюрой, забавными большими кистями рук и вечной мальчишеской улыбкой до ушей привнёс в нашу с Димкой размеренную жизнь столько хаоса, что хватило бы на целый детский лагерь.

– Это ты очень живой, – подумав, сказал я. – Это тебе не сидится на месте, ты постоянно хочешь что-то изменить или попробовать новое. И рядом с тобой другие это чувствуют. В твоём возрасте уже никто ничего не хочет по-настоящему. Я тебе завидую.

Ромины глаза удивлённо расширились.

– А как иначе-то? Посмотри, нам с тобой даны молодые тела! Мы ещё столько можем сделать! Для этого они и нужны... – он посмотрел на меня и задумчиво добавил: – Знаешь, я много думаю о городской жизни. Все эти разделения на уровни, специализации, расширенное личное пространство... вроде бы, всё сделано для людей, а людей, как таковых, уже и нет. Есть функции. Рисующий, механик, биостроитель. Если подумать, то всё это неплохо: нет безработ-

ных, если они не отказались работать по распределению, нет голодающих... – Роман пощупал свою искусственную ногу. – Помню, в наше время старшие говорили, что нас ждёт ужасное будущее. Падение нравов и увядание человеческой души. Ругали интернет и глобализацию. И что в итоге? Люди сделали очередной рывок вперёд, нравы стали строже, интернет уступил место майндвебу. А душа... что ж, не такая великая потеря. Не в технологиях дело...

– О чём шепчетесь? – в проёме между сиденьями показалась взъерошенная Димкина голова.

– О величии и упадке человечества, – с пафосом сказал я.

– А когда снижаемся? Или вы планируете всю ночь лететь?

– Мы уже почти на месте, – Роман взглянул на маленький монитор бортового компьютера. – Тал, возьми левее. Курс норд-норд-вест.

Я послушно выполнил его инструкции. Мы летели над тёмным лесным морем, смутно видневшимся в голубоватом отблеске ясного ночного неба. Рома выглянул наружу, опустив на глаза щиток ночного видения.

– Здесь есть ровное место, – сказал он, указывая в сторону деревьев.

– Ты уверен, что я смогу хорошо сесть? – нерешительно спросил я.

– Уверен. Положи левое крыло на сорок пять градусов, нос на шестьдесят и спускайся по спирали.

Я включил мозгочип. Моя голова тут же пришла в рабочее состояние, и ко мне пришла уверенная сосредоточенность. Я без труда усадил Арчи на небольшой поляне, будто всю жизнь этим занимался.

– Всё, мальчики, приехали! – тоном сварливой тётушки сказал Роман. – Добро пожаловать на природу, кошмар для горожанина!

Купол авиамобиля бесшумно раскрылся, и мы спрыгнули в высокую траву.

– Сто лет не бывал в таких местах, – тихо сказал Димка, изумлённо озираясь по сторонам.

Надо же. Я привык считать, что прекрасно могу обходиться тесными помещениями и фильтрованным воздухом, мечтая о садах верхнего города. А теперь я чувствовал росу, промочившую штанины моего комбинезона, и толстую сухую ветку под левой ногой и думал, какая же это чушь – то, во что я верил в последнее время. С моих глаз будто бы упала пелена, и что-то настоящее неназойливо, но прочно заняло своё место в моей жизни.

Роман встал рядом с нами, и я вдруг понял, что он молчит уже несколько минут – невысказанное дело!

– Наверное, именно так чувствуют себя космонавты, возвращаясь домой, – Димка погладил рукой ствол молодого дерева.

А я стоял и вспоминал. Лес был совсем рядом, он высился над нами чёрной молчаливой стеной, едва различимой в свете бортовых огней Арчи. Когда-то, давным-давно, в юности, я приезжал летом в деревню и по ночам выбирался в сад через окно. В темноте всё казалось совсем другим, будто бы исполненным смысла и величия. И теперь, много лет спустя, я чувствовал то же самое.

Димка дотронулся до моей руки тёплыми пальцами и ободряюще улыбнулся. Роман ощупывал многочисленные карманы куртки.

– Не могу найти автожиг, – пожаловался он.

– Ты что, костёр хочешь развести? – удивился я. – Так не видно же ничего, а ведь нужно место найти и дрова...

– Не, ну а как...

– Не надо, Ром, – мягко сказал Димка. – Костёр хорошо жечь у тебя на крыше. А здесь... просто не надо.

– Ладно, как хотите.

Мы решили, что уже слишком темно для того, чтобы разбивать лагерь, поэтому устроились в машине. Разложили заднее сиденье так, что весь пассажирский отсек превратился в одну большую кровать. Оказалось, что полёт сильно вымотал каждого из нас, поэтому, наскоро поужинав белковыми брикетами, прихваченными Ромой, мы погасили огни и растянулись на мягком пенотене. Роман отвернулся к стенке и тут же засопел. Я лежал на спине, закинув руки под голову. По всему телу разлилась приятная усталость, будто я весь день посвятил спортивным упражнениям. Однако сон не шёл. Я всматривался через купол в глубокое иссинячёрное небо, на котором, как на ладони, виднелись звёзды. Я пытался вспомнить названия созвездий, не прибегая к помощи мозгочипа, но вспомнил только Большую медведицу.

– Смотри-ка, Дракон! А вон там Лев. А вот Полярную звезду отсюда не видеть... – Димка повернулся ко мне. Он словно светился: лицо, волосы и футболка отчётливо белели в темноте.

– Ничего не помню, – прошептал я. – С этим чипом совсем мозги негодные стали.

– Я тоже помню не всё, – отозвался мой друг. – Раньше я тоже полагался на чип, поскольку мне тяжело было запоминать названия и даты. А потом узнал, что система автоматически удаляет данные, которыми я подолгу не пользуюсь, чтобы сэкономить место. Меня это напугало, честно говоря. С тех пор я стараюсь всё запоминать самостоятельно.

Я хотел было сказать ему, что завидую его силе воли, но вдруг он поднял руку.

– Слушай.

Я напряг слух. Совсем рядом, за бортом авиамобиля, шелестела листва и трещал одинокий кузнечик. И больше ничего не было слышно, разве что гул моего собственного сердца, вдруг выросшего до размеров барабана.

– Тишина... – прошептал я.

– Ага. Просто чудо, правда? – Димка приподнялся на локте, вслушиваясь. – В городе ты всегда слышишь этот фон: то пол вибрирует из-за постоянной работы удерживающих уровней механизмов, то гиперсеть гудит в простенках, то стёкла в окнах подрагивают, когда мимо проносятся авиамобили... – он вздохнул и лёг обратно. – Иногда звуков слишком много, и они изматывают. Ты можешь заткнуть уши, но и тогда слышишь свой пульс, а ещё – непрекращающийся писк где-то на границе сознания, от мозгочипа, который постоянно посылает сигналы в мозг и всегда на одной ноте. А отключишь его, и становится страшно: вдруг что-то случится? Ты никогда не думал, сколько безумцев появилось в мире с изобретением этого прибора?

Я удивлённо смотрел на Димку. И чего его так прорвало на ночь глядя? Обычно он редко завязывал разговор, разве что о совсем уж наболевшем. Может, свежий воздух так подействовал? Вон, Рома, наоборот, притих...

– Не знаю, – честно ответил я. – Кажется, я вообще ни о чём не думаю.

– И не надо, – Димка широко зевнул. – Забавно. Дома я сплю, максимум, по пять часов – возраст берёт своё, сам понимаешь. А здесь меня клонит в сон, хотя ещё даже нет одиннадцати.

– Спи, пока можешь, – улыбнулся я. – У меня, правда, ни в одном глазу.

Он помотал головой и снова зевнул.

– Обидно спать. Я бы хотел запомнить каждый момент из того, что произошло сегодня. Я давно так не веселился.

– О, да! – подхватил я. – Сначала эти гонки со Спида! Ты не представляешь, какой рубец у меня остался на сердце! – я развёл руки в стороны. Димка тихо засмеялся.

– Это было приключение, Толик. Как в детстве, наверное. Помнишь, когда-то мы все мечтали угнать машину и уехать на край света...

– Иногда мне кажется, что детства никогда и не было, – признался я. – Всё было так давно, память выцвела, как старая бумага. Я завидую современным детям: они-то могут записать на мозгочип память обо всех событиях и архивировать её!

– Ну, это не всегда хорошо, – философски заметил мой друг. – Ведь они запоминают и хорошее, и плохое, в то время как мы вспоминаем только хорошее. По большей части... – он

ласково взглянул на Романа, свернувшегося калачиком в уголке. – Вот Рома, например. Беречь надо таких. Они навсегда остаются детьми в душе. И помнят самое важное.

– Мне кажется, мы – последнее поколение романтиков, – вздохнул я.

– Ага. Старые чудачки, что ходят по городу с широко раскрытыми от удивления глазами. . .

Я снова вздохнул. Невесёлая мысль не давала покоя.

– Знаешь, Дим, я дожил до семидесяти лет, но у меня такое ощущение, что ничего не было. Кругом совсем другие люди и город совсем другой, а вся прежняя жизнь. . . я так и не знаю, как я должен поступать. Не знаю, чего ждать от нового дня. Не могу понять, что происходит – потому что всё делается не так, как нас учили. Я чувствую, будто я всего лишь пылинка, примагниченная к гигантскому шару, и вскоре меня сдует в открытый космос. И мне страшно.

Он кивнул, словно думал о том же самом.

– Я понимаю. Все мы в таких условиях, так или иначе.

– Есть даже целая теория, – продолжал я. – О том, что наша реальность сокращается.

– Это как? – полюбопытствовал Димка.

– Ну, смотри. Человек считается взрослым тогда, когда приобретёт достаточно опыта, который поможет ему в будущем. Но в условиях галопирующего прогресса этот опыт быстро устаревает, и приходится заново учиться, чтобы приспособиться к новой жизни.

– То есть, взрослые навсегда остаются учениками, как и дети?

– Именно.

– Что ж, я не против всю жизнь провести за школьной партой, – сказал мой друг. – Лишь бы не лежать в постели в ожидании смерти.

– А мне не нравится мысль о том, что, как ни старайся, ты всё равно останешься круглым дураком.

– Быть дураком у тебя точно не получится, – серьёзно сказал Димка. – К тому же, есть вещи, которые не меняются со временем. Познав их, мы можем твёрдо стоять на ногах.

– И какие же?

Мой друг пожал плечами.

– Человеческие отношения, к примеру. Или реакции. Много того, что заложено природой.

Я вздохнул. Сколько в нас осталось этой самой природы?..

Утром я проснулся первым. Мне до последнего казалось, что всё произошедшее вчера – наше дерзкое бегство из города, остановка в лесу – всего лишь сон. Но, увидев над собой прозрачное сентябрьское небо и своих друзей, мирно посапывающих рядом, я тут же понял: не сон. И почувствовал себя счастливым.

Димка и Роман спали спина к спине, одинаково подтянув колени к подбородку и спрятав руки в рукава. Я накрыл их обоих своей курткой и выбрался из автомобиля.

Утреннее солнце стояло ещё совсем низко, тусклые лучи его, просвечивавшие сквозь рваные лоскуты тумана, казались осязаемыми. Я брёл по росистой траве, не разбирая дороги – настолько был опьянён окружающей меня безмятежностью. Лес, ещё вчера показавшийся мне неприступной стеной, теперь был прозрачен и светел. Празднично краснели листья кустарников, робко покачивались белые призраки Иван-чая. Мне казалось, что я вижу всё это впервые. Быть может, так оно и было?..

Я неторопливо пробирался между деревьев, подставляя лицо тёплым лучам. Я не боялся заблудиться: мозгочип автоматически фиксировал маршрут, определяя направление движения. Я некоторое время шёл на северо-запад, когда лес вдруг поредел, и впереди показались блестящие стеклянные постройки на высоких сваях. Несколько минут я опасливо скрывался в тени деревьев, но потом вспомнил, что бояться нечего: фермы полностью автоматизированы

и снабжены антивандальной системой. Никто не стал бы гнать меня с хозяйственной территории, ведь без особого ключа я бы всё равно не смог проникнуть в теплицы...

Когда я вернулся, мои друзья уже проснулись и завтракали, сидя на траве рядом с Арчи. Роман, как обычно, мурлыкал какую-то песню.

– Ко мне пытаются приклеить прозвище, – сообщил Димка, когда я приблизился.

– Клеить ничего не нужно, – усмехнулся Рома. – Данделайн и есть.

– Данделайн? Что за страсти такие? – я плюхнулся на траву рядом с ними.

– В переводе с английского означает «одуванчик», – отозвался Димка, протягивая мне бутерброд с сырной пастой.

Я рассмеялся. Удивительно, но Рома попал в точку. Тощий Димка в своей зелёной рубашке и взъерошенными после сна волосами, золотившимися на солнце, и впрямь походил на одуванчик. А по-английски это прозвище звучало ещё лучше, будто его второе имя, звонкое, как колокольчик.

– «Одуванчик врать не может, мудрым стать он вам поможет»¹²... – продолжал веселиться Рома. Димка страдальчески возвёл глаза к небу.

– Похоже, мне придётся смириться, – печально сказал наш друг, однако в серых глазах его плясали бесенята, и я понял, что он доволен.

Роман встал позади нас и возложил ладони на наши головы.

– Парни, вы просто бесподобны! – сказал он. – Как хорошо, что печальная участь старых брюзг обошла вас стороной!

– Как знать, как знать! – проворчал я. – Если нам с Димкой будет скучно, то мы можем стать совершенно невыносимыми!

Тот вздохнул и пожал плечами: мол, что поделать.

После завтрака мы отправились исследовать окрестности. Рома сказал, что, судя по карте в навигационных системах Арчи, неподалёку находится река. И действительно, довольно скоро мы выбрались на открытый склон, у подножия которого виднелась узкая полоска песчаного пляжа и блестела на солнце водная гладь. Мы с Ромой, не сговариваясь, ринулись вниз наперегонки, смеясь от восторга будто мальчишки. Добежав до пляжа, мы рухнули на песок, тяжело дыша и обмениваясь шуточками. Неторопливо подошёл Димка – как всегда спокойный и опрятный. Поглядел на нас, как заботливый врач, почему-то вздохнул. Снял рубашку, аккуратно расстелил её на песке и только тогда уселся между нами.

– Узрите великую реку, о, несчастные хоббитцы! – ухмыльнулся Роман, стягивая футболку.

– Лучше разогрей свои бледные косточки, Голлум! – в тон ему отозвался я.

Раздеваться совершенно не хотелось – солнце грело не так уж сильно. Я стал смотреть на реку. Сквозь плеск воды и шелест камышей до нас доносился неясный шум. Вскоре он стал громче, и из зарослей показалась большая белая тарелка, которая, вращаясь, плыла по поверхности. Водяной фильтр, очищающий реку от отходов. После него остался лёгкий запах озона.

Зачерпнув рукой песок, я увидел, что он не совсем обычный. В нём попадались коричневые и зелёные крупинки. Судя по всему, это было переработанное бутылочное стекло.

– Всё возвращается на круги своя, – тихо сказал я. – Ещё лет двадцать назад здесь были свалки. А теперь, гляди-ка, вода в реке прозрачная... – я поднял плоский камешек и запустил в искрящуюся воду.

– А я ещё помню те времена, когда люди толпами ездили за город, мыли в реке машины и жарили шашлыки у колеса, – Роман зашарил в карманах брюк в поисках сигарет. – В этом тоже что-то было.

– Курение убивает! – проворчал Димка, отодвигаясь от него.

¹² Rolling Stones – Dandelion

– Пфф! У меня искусственные лёгкие, я могу хоть в газовой камере жить!

Я подавил улыбку. Димка был ярым сторонником здорового образа жизни. Из нас троих он был единственным, кто не заменил в себе ни одного органа (что до меня, то на семидесятилетие я обзавёлся новым сердцем и коленными чашечками из нано-коста¹³). Димка бегал по утрам вокруг дома и пил Укрепляющую воду, чтобы не стареть. Он никогда в жизни не курил и не любил, когда это делают другие. Впрочем, перевоспитать меня и Рому ему так и не удалось.

– Пойду, ноги помочу, – Димка снял ботинки, подвернул джинсы и зашёл в воду.

– Ну и как оно? – поинтересовался Роман.

– Нормально. Ты вполне можешь искупаться.

Солнце сморило меня, поэтому я лёг и вскоре задремал, вполуха слушая, как плещется вода, да Роман мурлычет себе под нос.

– Данделайн, ты превратишься в водоросль!

Я засмеялся, не открывая глаз. Послышался лёгкий шорох шагов, и через секунду я почувствовал, как на меня кладут холодные мокрые камни.

– Эй! – я приоткрыл один глаз и уставился на Димку, сидевшего рядом на корточках.

– Толик, ты схватишь удар! – строго сказал он. – Тебя нужно охладить!

Я лениво поднялся и дошёл до воды. Солнце резало глаза, по реке плясали ослепительные блики. Становилось жарко. Я намочил голову и руки по локоть, затем подкрался сзади к безмятежному Роману и хлопнул его мокрой пятернёй по голой спине. Он взвыл, вскочил на ноги и погнался за мной, взметая пятками фонтанчики песка. Димка с интересом наблюдал за нами.

Рома догнал меня у самого берега. Между нами завязалась борьба, в ходе которой мы оба, не удержавшись на ногах, грохнулись в воду. Сказать, что она была холодной – значит, ничего не сказать! Мы барахтались на мелководье, фыркая и отплёвываясь, нас трясло от холода и неудержимого хохота.

– Отомстил! – ухмыльнулся Роман. Я окатил его водопадом брызг. Мой друг фыркнул и выбрался на берег. Великодушно протянул мне руку.

Подошёл Димка, набросил мне на плечи куртку. Укоризненно взглянул на Рому:

– Сейчас середина сентября, вообще-то!

– Ничего, я закалённый! – я включил внутренний обогрев комбинезона, и одежда быстро высохла.

Мы вновь безмятежно развалились на пляже.

– Рома, открой нам тайну: о чём книга, над которой ты сейчас работаешь? – поинтересовался Димка.

– О, это длинная история! – тут же оживился наш друг. – Я размышлял на тему мозго-чипов. В той стране, где происходит действие, к власти пришёл один гений, который создал блокаторы лжи и сделал так, чтобы их вживили всем гражданам.

– И они разучились лгать? – уточнил я.

– Не совсем. Ведь ложь это часть природы человека. Просто каждый раз, когда люди лгали, блокаторы вызывали у них сильнейшую боль. Сами понимаете, преступность упала, власти с помощью компьютеров могли следить за всеми. Но всё же был один человек, который смог извлечь из себя блокатор лжи и помочь многим другим избавиться от их власти.

– Добрый герой? – предположил я.

– Нет, что ты! – Роман ухмыльнулся. – Он самый настоящий бандит, убийца, лгун и пройдоха, который больше всех выиграл от своего поступка.

– Тогда где мораль? – подал голос Димка.

¹³ Нано-кост – прочный и гибкий материал, использующийся для выращивания искусственных костей

– А чёрт её знает, – Рома неопределённо махнул рукой. – Этот парень всех освободил, свергнул власть и пустился в бега. Финал, занавес...

– Всё-таки, ты неисправимый романтик, – улыбнулся я. – Ладно, пиши дальше. Интересно будет почитать.

– Да, было бы здорово... – Роман мечтательно взглянул на небо. – Запустить книгу в сеть, получить награду за Особые заслуги – и вперёд, на Седьмой, к Творцам. Представьте себе: сад на крыше, весь зелёный...

– Ром, а чем тебе здесь хуже? – осторожно спросил Димка. – Смотри, какой лес кругом, и река, и солнце. Ты можешь летать сюда так часто, как захочешь. Разве сад может сравниться с этим?

– Но этого мало! Ведь жизнь там, наверху, это нечто большее! Здесь я никому не интересен... – Роман смотрел куда-то мимо нас. Мысли его явно были далеко.

Мы с Димкой переглянулись. Он едва заметно пожал плечами.

– Всё-таки, это большой риск, – заметил я. – Не понимаю людей, которые заново проходят УВТ-тест. Всё кончается тем, что их потом с работы увольняют и позорят всю жизнь.

– Тебя никто не заставляет проходить тест, Тал, – Роман поморщился. – Да ты бы и не решился.

– Мне и на моём месте хорошо, – буркнул я. – Вот сестрица моя смогла бы, она у нас в семье самая талантливая была, не то, что я...

– А ты бы прошёл тест, если бы не работал над книгой? – быстро спросил Димка.

– Не знаю, – отозвался Рома. – Может, и прошёл бы. В случае чего, я всегда найду, где заработать свои три копейки. А ты, Данделайн?

Димка снова пожал плечами.

– Мне нравится быть механиком. А все эти радужные плащи и дорогие машины... как-то это не по мне.

Помолчали. Димка сгребал песок в большую кучу и просеивал его сквозь пальцы. Рома курил, предусмотрительно отодвинувшись от него подальше. Я сидел, обхватив руками колени, и лениво думал, почему другие люди не ведут себя так, как мы втроём. Мы вот выбрались все вместе на природу, разговариваем уже добрую половину дня, и нам хорошо вместе. «Поколение иррационалов»... – я усмехнулся про себя. О, сколько раз я слышал, как другие критикуют прошлое, называя его бессмысленным, расточительным, жестоким! Но что же есть теперь? Изоляция в тесных ячейках, постоянные режимы тишины, отвращение к устной речи, потому что мысленная требует меньше времени и усилий. И от неё никуда не спрячешься. Потому что отключение чипа приравнивается к самоубийству...

Солнце спряталось за верхушками деревьев, и с реки повеяло холодным сырým ветром. Мы почувствовали, что ужасно голодны, и поспешили в лес – туда, где ждал авиамобиль с припасами.

– Прогуляемся? – предложил Рома, когда мы пообедали.

Пробравшись сквозь густой подлесок, мы выбрались на заросший высохшей травой луг. Вдалеке виднелись стеклянные постройки ферм.

– Эй, смотрите! – Димка указывал на три разлапистые яблони, пристроившиеся у самой кромки леса.

– Откуда они здесь? – Роман изумлённо оглядел корявые деревья.

– Видимо, тут когда-то был чей-то участок, – ответил Димка. – Вон, даже остатки забора сохранились.

Действительно, неподалёку обнаружилось несколько полусгнивших досок, торчавших из земли.

– Смотрите-ка, а яблочки ещё имеются! – Роман поднялся в воздух на гравитационных ботинках и оседлал толстую ветку. – Их явно собирают, но не все... ну-ка, ловите! – он стал срывать

мелкие красно-жёлтые плоды и бросать вниз. Мы с Димкой только и успевали их подбирать. Яблоки были сильно поклёваны птицами, но в остальном выглядели хорошими. Я с хрустом откусил сразу половину и зажмурился.

– Кислые...

Рома с треском соскользнул вниз, сломав несколько сучков. В волосах его запутались листья.

– Одичали совсем, – констатировал он. – Такими яблоками только неприятеля травить!

– Можно компот сварить, – деловито сказал Димка. – В наше время грех отказываться от съедобного!

– Тогда давай их сюда, – Рома снял с головы бандану, развернул. Получился солидный кулёк.

– Может, прогуляемся до ферм? – предложил он, когда яблоки были уложены.

– Идите без меня, – Димка виновато улыбнулся. – Я что-то устал немного...

– Да ну их, – я уселся в траву. – Там всё равно всё на охране. Роботы могут стрельбу поднять.

– Не будет никакой стрельбы! – возразил Роман. – Кругом защитное поле. Эти фермы – настоящие крепости.

– И простоят ещё лет сто, – вздохнул Димка.

– Их раньше снесут, – возразил я. – Люди снова станут осваивать Землю и всё на ней выращивать.

– Боюсь, мы не доживём до этого прекрасного момента, – усмехнулся Роман.

– Значит, в следующей жизни, – пожал плечами Димка. Его пальцы что-то быстро-быстро плели из сухих стеблей.

– Следующая жизнь, реинкарнация – чушь собачья! – нетерпеливо произнёс Роман. – Всё это сказочки из тематических потоков. Мы живём только один раз, поэтому нужно ухватить как можно больше.

– Ты чего так завёлся-то? – Димка миролюбиво тронул его за плечо. – Всё зависит только от того, во что ты веришь.

– А ты не веришь в чёрную пустоту после смерти?

– Нет. Человеческая душа бессмертна.

– Кабы знать... – мрачно сказал Рома. – У меня был один друг. Голод забрал его...

– Ребята, может, хватит? – попросил я. В такой прекрасный вечер не хотелось вспоминать о прошлом.

– Хорошо, давайте поговорим о любви! – усмехнулся Роман. – Водил я тут одну кису в музей Инстаграма...

– И как? – оживился Димка.

– Нам не повезло. Думали – попадём на выставку красивых пейзажей, а попали на бытовые селфи! Ну, вы понимаете – чистка зубов, отражения в зеркалах, еда в тарелках...

Мы дружно расхохотались.

– Ну и как, тебе удалось что-нибудь с этой... кисой? – поинтересовался я.

– Неа, – беспечно протянул Рома. – Потом она сказала: «Ой, у меня по графику кино-просмотр, так что до скорого!». И я плюнул на это дело. Эх, молодёжь... – он снова закурил. – Наверное, раньше между людьми не было преград.

– Сейчас их тоже нет, – возразил Димка.

– И ты в это веришь?

– Конечно. Ведь ничто не мешает тебе, Рома, общаться с нами, пусть ты и выше по уровню.

– Это другое, – Роман помотал головой. – Мне просто наплевать на чужое мнение. Но мир развился так, что разделил людей стенами. Чёртов прогресс...

– Стены легко сломать, друг мой. Другое дело, что новые технологии расширяют зону комфорта. Но сам прогресс здесь не при чём. Лично мне нравится прогресс.

– Сказал коллекционер всякого старья, – саркастически усмехнулся Роман.

– Это лишь хобби. Я храню вещи, а ты создаёшь духовные ценности.

– Ценности... – Рома выдохнул длинный столб дыма. – Я всего лишь бестолковый мечтатель...

Прошло много времени, прежде чем мы опомнились. Подул зябкий ветер, солнце скрылось за тучами и незаметно укатилось за горизонт. Мы вернулись на нашу поляну и развели костёр.

Высокое рыжее пламя щедро стреляло искрами, которые тут же уносились в сумеречное небо. Хорошо было сидеть у живого огня, потирая зудящие от жара колени и всё равно не двигаясь с места. Казалось, мы – студенты в турпоходе и впереди у нас вся длинная жизнь, не омрачённая ни трагедиями, ни разочарованиями. Мне ещё долго не было так хорошо, как в ту ночь, когда мы втроём сидели у костра, прижавшись друг к другу, пели песни времён нашей юности, доедали остатки ужина и говорили о наших делах, надеждах и нехитрых планах на будущее. Когда веки уже совсем отяжелели от усталости, мы загасили огонь и переместились в уютный салон Арчи, где уснули быстро и крепко.

Мы так устали за предыдущий день, что проснулись около полудня. Как ни жаль было уходить из леса с его простором, свежестью и солнцем, нам всё же пора было возвращаться в город. Я уже настроился на то, чтобы вечером просмотреть несколько отчётов, оставшихся с пятницы.

Арчи круто взлетел над деревьями и взял курс на юго-восток. Однако, пролетев всего несколько десятков километров, мы услышали непонятный шум в двигателях.

– Не может быть! – Роман стукнул пальцем по индикатору, отображавшему показания топливного отсека. – Он пишет, что у нас кончился изотен!

Тут раздался предупреждающий сигнал, и наш друг, ругаясь, поспешил посадить авиамобиль неподалёку от ферм.

– Что за?.. – он недоверчиво уставился на экран бортового компьютера. – Топливо действительно закончилось!

– Приехали, – ухмыльнулся я. – Добро пожаловать на природу, кошмар для горожанина!

– Возможно, ты много потратил на ускорение, когда мы улетали от Спида, – предположил Димка. – Топливный бак не рассчитан на такие гонки.

– Так, ребята, похоже, мой авик сегодня уже никуда не полетит, – сердито сказал Рома. – А это значит, что до города нам придётся топать пешком.

– Вообще-то, здесь не так уж далеко, – заметил Димка. – Я замерил расстояние. К вечеру доберёмся.

– Отличное занятие для уик-энда! – проворчал я. Однако внутренне обрадовался: всё же, наш небольшой отпуск затянется подольше.

Роман связался по майндвебу с сервисным центром. Судя по его лицу, наш друг с кем-то ругался. Наконец он произнёс:

– Отлично, машину мне доставят только завтра вечером. Видите ли, у них нет свободных подъёмников! Мне что, на лифте домой подниматься?

– Ничего, вызовем тебе такси, – пообещал Димка. – Как только доберёмся.

Мы решили двигаться вдоль скоростной линии – этот путь был кратчайшим. Рядом с дорогой Спида пролежала техническая платформа, отделённая от путей тонкой металлической сеткой.

Пару раз мимо на сумасшедшей скорости пронеслись поезда, и всякий раз сердце моё не успевало в испуге дважды стукнуться о рёбра, как всё уже кончалось – только травы запоздало колыхались порывами ветра.

Роман шёл впереди, бодро ступая по шершавым бетонным плитам, я следовал за ним, Димка замыкал шествие. Мы шли уже часа два, когда я увидел, что он отстаёт.

– Эй! Ты устал? – я вернулся к нему. Димка опустился на бетон, привалившись спиной к сетке. Слабо улыбнулся.

– Что-то поясницу прихватило. Я сейчас...

Его лицо было бледным и мокрым от пота. Я сбросил сумку, отыскал в ней бутылку воды, отдал ему.

– Эх, ты, Данделайн! – к нам подошёл Рома. – Надо было для тебя тапочки-антигравы захватить. Мои тебе великоваты будут.

– Никто же не знал, что так выйдет, – я присел на корточки рядом с Димкой. – И давно у тебя такие приступы?

Он пожал плечами и поморщился.

– Месяца четыре назад, когда я ремонтировал машину в цеху, на меня упала металлическая ось – она была плохо закреплена. Я успел её поймать, но она была очень тяжёлой, и я немного потянул спину.

– Ты бы поберег себя, Дим, – озабоченно сказал Рома. – В конце концов, ты уже не мальчик. Всякие болячки...

Димка осторожно встал.

– Порядок, ребята, можем идти. Только... мне, всё-таки, придётся останавливаться, – он виновато взглянул на нас.

– Не волнуйся, Данделайн, – отозвался Рома. – Если станет совсем туго, я поменяюсь с тобой ботинками. В них заряды на полсотни километров ещё...

В девять часов мы вступили в город. Уже смеркалось, и Москва ослепила нас тысячами огней. Роман вызвал такси и поехал нас провожать. Когда мы припарковались у нашего дома, Димка с трудом вылез из машины, держась за поясницу. До ячейки мы практически донесли его на руках.

– У тебя есть что-нибудь от спины? – строго спросил Роман, когда мы зашли внутрь.

– Есть разогревающая мазь. Там, на полке...

– Так, а ну-ка, давай ложись! – Рома быстро отыскал нужный тюбик. – Сейчас сделаю тебе китайский массаж.

Спорить с ним было бесполезно. Димка со вздохом снял рубашку и футболку и растянулся на кровати лицом вниз. Роман с хрустом размял кисти рук, затем принялся растирать ему спину сначала медленными, а потом быстрыми круговыми движениями, да с такой силой, что кости затрещали.

– Ай, – сдержанно сказал Димка. – Вот здесь лучше не трогай...

– Ты уверен, что в Китае делают именно так? – не выдержал я.

– Ну, может, и не в Китае, а в Японии. Или в Таиланде... методика всё равно одна. Этому меня одна подружка научила.

– Понятно.

Рома мямл несчастного Димку ещё минут десять. Я, глядя на такие издевательства, думал, что не хотел бы оказаться на его месте.

– Всё, Данделайн, хватит с тебя, – Роман накрыл его тонким термо-одеялом и вытер пот со лба. – Ну, ты и тощий! Одни кости!

– Тепло... – подал голос Димка, устраиваясь поудобнее. Рома вздохнул ему волосы на макушке.

– Обращайся. Доктор-Роктор принимает круглосуточно.

– Спасибо.

– Ты, всё-таки, сходи на обследование, – посоветовал я. – Мало ли что.

– Угу. В понедельник, – Димка широко зевнул. – Я посплю немного, ладно?

– Как на тебя массаж подействовал! – ухмыльнулся я. Мы с Ромой вышли на улицу. Он отправился провожать меня.

– Спать я сегодня не смогу, – весело сообщил мой друг. – Сегодня, пока мы шли, ко мне пришло вдохновение.

– То есть, ты разобрался с вопросами, которые тормозили сюжет? – улыбнулся я.

– Ага. Теперь всё как по маслу пойдёт. Думаю, к Новому году успею закончить.

Понедельник выдался очень загруженным, поэтому только во время обеденного перерыва, когда я позволил себе отдых, я почувствовал тревогу. Она царапала меня невидимыми коготками с самого утра, я же её упорно не замечал, бессознательно откладывая посторонние мысли на потом. «Потом» наступило, и я вздрогнул: Димка. Я поспешил связаться с ним по майндвебу. Мой друг отозвался не сразу – видимо, был на работе.

«Тал, десять секунд», – раздалось у меня в голове.

«Один вопрос. Ты был на обследовании?»

«Да. Порядок, Тал. Я должен работать, прости». – Он отключился.

Всё в порядке, значит. Что-то во всём этом не давало мне спокойно выдохнуть. Но что? И тут я понял: Димка никогда не называл меня сокращённым именем. Даже в моменты полного аврала в цеху он никогда не опускался до сухости, что не мешало ему, однако, чётко и ясно излагать мысли. Теперь же его речи могла быть присвоена премия «Рационал года» – настолько официальным был его тон.

До конца дня я не думал ни о чём, кроме своих обязанностей; на это ушла вся моя внутренняя дисциплина. Я безукоризненно составлял отчётные файлы, запоминал новую информацию, связывался с клиентами и даже ушёл из офиса немного позже обычного – настолько увлёкся. Но, сев в автомобиль, я рванул к дому с такой скоростью, что даже Ромин Арчи мог бы позавидовать.

Димки ещё не было дома. Да ему и не полагалось находиться здесь в это время, если он с утра отправился на работу. Я трижды обругал себя истеричным дураком. Ну что могло случиться с ним, с этим перестраховщиком, который всю жизнь свою, должно быть, уже наперёд продумал и взвесил? Мне следовало уйти домой и выкинуть из головы всякую чушь.

Не ушёл. Сел на мягкую скамейку в стенной нише, вставил в ухо крошечный ультраволновой проигрыватель и на время выпал из реальности, растворившись в расслабляющих звуках, наполнивших мою голову.

Наконец я увидел Димку. Он медленно шёл вдоль уличного парапета, зацепившись большими пальцами рук за белый ремень комбинезона. Человек, зверски уставший на работе, ничего особенного. Я поднялся ему навстречу, но мой друг заметил меня, только подойдя вплотную. Поднял тёмно-серые глаза, в которых еле теплился вялый интерес.

– Пришёл тебя проведать, – сказал я.

– Я же говорил, что всё в порядке, не о чем беспокоиться... – он натянуто улыбнулся. Я помотал головой.

– Ничего не в порядке, Дим, я же вижу. Я, знаешь ли, не вчера родился.

– Думай, как хочешь, Тал, – Димка пожал плечами, и вдруг лицо его передёрнулось болезненной судорогой.

– Вот видишь, сам твой организм против твоего вранья, – усмехнулся я, стараясь, чтобы голос звучал как можно беззаботнее. – Признавайся, ты ведь не был на обследовании, да? Поехал вместо этого на работу, думая, что твоя спина сама пройдёт?

Я никогда не слышал, чтобы Димка ругался. Более того, я даже раздражённым его не видел, максимум – озадаченным. Поэтому сорвавшиеся с его губ проклятия потрясли меня.

– С чего ты взял, – тихо произнёс мой друг, – что я соврал? Я разве похож на человека, бросающего слова на ветер? – под конец он взял себя в руки, и голос, в котором звенел металл, снова стал мягким.

– Наверное, с того, что сейчас ты впервые в жизни выглядишь глупо.

Димка отвернулся. Подошёл к своей двери, приложил руку к косяку, снимая блокировку, и вошёл в ячейку. Я последовал за ним, пока он не передумал и не оставил меня за порогом. Димка прошёл в спальню и упал на кровать – как был, в куртке и ботинках. Я придвинул стул и сел напротив него.

– Я болен, – наконец сказал мой друг. То, *как* это прозвучало, заставило меня вздрогнуть. Но я лишь пожал плечами.

– Я так и думал. Подробнее, если можно.

– Рак позвоночника.

Димкино лицо было непроницаемым, голос – хладнокровным, но от этого было только хуже. Я поверил сразу. И пусть мой разум отказывался принимать услышанное, я уже как будто видел этот безрадостный путь, на котором мой друг оказался так внезапно, всего с одного шага. Но я держал себя в руках. Нужно было оставаться спокойным и делать вид, что ничто не имеет значения. Тогда, быть может, беда обошла бы нас, лишь немного задев.

– Это... неприятно, – наконец сказал я. – Лечение будет долгим.

– Неприятно? – переспросил Димка. – Что ж, это ещё не всё. Врач сказал, что это уже нельзя вылечить. Слишком поздно. Мне осталось несколько месяцев. Вот это неприятно.

Помню, я просто взбесился тогда. Я всегда считал, что лишать людей надежды – величайшее из преступлений. Попадись мне тот медик, я бы ему показал, что такое настоящая клятва Гиппократата, а не та галочка, что он поставил под своим резюме в графе «ознакомился и принимаю».

Теперь Димка прямо смотрел на меня, закусив губу. В тот момент я жалел, что не могу найти ни слова утешения. Новость поразила меня, как выстрел в спину, но тогда я чувствовал только шок и слабость; едкой болью в сердце она стала позже. Я думал, что Рома смог бы сказать что-нибудь правильное, отчего всем нам стало бы легче. Но Роман был у себя дома и ничего не знал о случившемся, и, чёрт возьми, я должен был рассказать ему, но заранее боялся даже мысли об этом.

Я пересел на край кровати и притянул Димку к себе. От него пахло металлом и машинным маслом – запахи рабочего цеха. Я чувствовал, как его плечи дрожат под курткой, и жалел, что не знаю, как унять эту дрожь. И странным, неправильным казалось то, что это я обнимаю его, словно ребёнка, пытаюсь успокоить: я всегда думал, что будет наоборот.

Мой друг глубоко вздохнул, будто сдавливая что-то внутри.

– Толик, ты не думай, – тихо сказал он. – Я ещё поборюсь.

Димка не собирался сдаваться. Испробовав все возможности, всегда важно знать, что ты сделал всё, что мог – думаю, это был его девиз по жизни.

«Sun Steel», компания, в которой он работал, предоставляла своим сотрудникам медицинскую страховку – редкая роскошь в наши дни. Архивариусам в «Youngs», к примеру, такого не полагалось. В пакет медицинских услуг входил шестинедельный курс химиотерапии. Шансы на выздоровление при таком лечении были невелики, но другого выхода не было: даже при самом удачном раскладе операция могла привести к полному параличу.

Меня всегда удивляло, почему, несмотря на гигантский скачок в науке и технике, медицина за полвека почти не продвинулась, а в чём-то даже откатилась назад. Почему простуду или грипп можно вылечить всего за сутки, но тяжёлые заболевания вроде рака или СПИДа лечатся

всё теми же методами, что и пятьдесят лет назад. Конечно, конструкторы тел частично решили эту проблему. Можно вырастить в лаборатории новый орган и пересадить его на место больного. В этом случае есть гарантия, что болезнь не вернётся, ведь искусственная ткань гораздо совершеннее живой. Однако некоторые вещи не под силу даже конструкторам. Моему другу не повезло: любое более-менее серьёзное лечение требовало прорыв времени и денег, а у него не было ни того, ни другого.

Димкина болезнь была в запущенном состоянии. Его крепкий, здоровый организм долго не желал реагировать на тревожные симптомы. И когда боль в спине стала мучительной, опухоль уже выросла настолько, что начала сдавливать спинной мозг.

Удивительно, что он до сих пор мог ходить. И даже работать как-то умудрялся, несмотря ни на что. Правда, теперь Димка занимался не починкой двигателей, а исправлял дефекты в виртуальных моделях: по таким автоматические станки собирают реальные механизмы.

Дважды в неделю перед работой он проходил процедуры химиотерапии. Возвращался домой измотанным до предела, но на наши с Ромой осторожные вопросы отвечал неизменно: пока есть силы, он будет полезным.

Димка очень любил свою работу. Как-то раз я спросил его, почему он пошёл в механики? Ведь внутри каждого уровня тоже существует иерархия профессий, и он мог бы занять более высокую нишу – скажем, в сфере компьютерного программирования. Уж лучше, чем круглые сутки валяться под авиамобилями, потеть и пачкаясь в смазке. Но Димка, как всегда, пожал плечами и ответил, что это был сознательный выбор.

– Видишь ли, Толик, я люблю работать с материалом. Своими руками собирать сложный конструктор и видеть результат.

– Разве ты всю жизнь мечтал о таком?

– Нет. Я мечтал создавать абстрактные вещи и воплощать их в жизнь. Скажем, виртуальные миры, которые захватывали меня ещё в детстве, когда я играл в электронные игры... однако такими делами не занимаются на Третьем уровне. К сожалению, я недостаточно компетентен. Но мне всё равно очень нравится то, что я делаю – я не зря этому учился.

– Вы хотите познакомиться с моей дочерью? – как-то раз спросил Димка.

София, его единственная дочь, много лет жила в Германии – уехала туда после смерти матери и вплотную занялась журналистикой. Димка гордился ей безмерно. Однако ей не удалось построить за рубежом какую-то серьёзную карьеру со своим Четвёртым уровнем, и, в конце концов, девочка переехала в Петербург. По работе её отправили в командировку в Москву, и Сэм решила навестить отца, понимая, то в другой раз это будет сделать гораздо сложнее: слишком большая волокита с документами.

Мы договорились, что встретим Софию на вокзале – незачем Димке в его состоянии таскаться туда одному.

Роман ловко втиснул свой Арчи на многоуровневую парковку у входа на Ленинградский вокзал – огромный комплекс со своими отелями, магазинами, бизнес-центрами и конторами по оказанию услуг. Затем вышел из машины и помог выбраться Димке, несмотря на его протесты.

Спиди, совсем не страшный в неподвижном состоянии, блестел обтекаемыми серебрястыми боками в лучах неоновых солнц, закреплённых высоко под потолком зала прибытия. На перроне было шумно: люди подзывали роботов-погрузчиков и связывались по майндвебу с системой управления поезда, требуя обслуживания в купе. После двадцати минут стоянки Спиди должен был нестись в обратном направлении, поэтому будущие пассажиры заранее готовили себе условия.

Димкина дочь вынырнула из толпы, придерживая за ручку небольшой грави-чемодан, плывший за ней в полуметре над платформой. Девушке не составило труда найти нас: Димка ориентировал её по ментальной сети.

– Добрый день, – вежливо сказала София, приблизившись к нам. Она была очень похожа на отца. Те же светлые волосы, коротко, по-мальчишески остриженные, те же пронзительные серые глаза. Разве что черты лица более мягкие и правильные. Простой жёлтый комбинезон, свободная белая конта, пара металлических кулонов, серёжки-гвоздики в ушах...

София оказалась на полголовы выше Димки, и, обнимая его, она слегка наклонилась, а он привстал на цыпочки.

– Приятно познакомиться, Тал, – я поднял ладонь в вежливом жесте.

– Зовите меня Сэм, – она улыбнулась краешками губ, обнаружив очаровательные ямочки на щеках, и сама протянула мне руку в тонкой жёлтой перчатке.

– А меня вы можете называть как угодно, – расплылся в улыбке Рома. – Но в обычной жизни я Капитан Сорви Голова!

– О, папа, какие у тебя странные друзья! – Сэм рассмеялась и нетерпеливо потянула Димку к выходу с перрона. – Идём быстрее. Я устала.

Роман ткнул меня локтем в бок и многозначительно подмигнул.

Мы загрузили чемодан Сэм в авиамобиль и усадили её на заднее сиденье между Димкой и мной. Рома, весело насвистывая, включил свой майнд-саунд, и на весь салон заиграли «Rainbow». Я опасливо покосился на девушку: как она к этому отнесётся? Но та лишь безмятежно улыбалась, со сдержанным любопытством глядя через прозрачный купол кабины на проносящиеся мимо здания. Левая ладонь её сжимала руку Димки, который, казалось, онемел от радости.

Сэм поселилась на кухне, заняв совсем немного места – угловой диванчик и маленькую полку. В Димкиной ячейке так и не прибавилось ничего, свидетельствующего о том, что у него поселилась женщина, и всё же в доме вдруг стало гораздо уютнее – хотя уж у Димки-то всегда было безукоризненно чисто, и всё стояло на своих местах.

Сэм поднималась очень рано. Она достала с антресолей старую плитку (Димка ей не пользовался, поскольку редко готовил дома) и теперь каждое утро варила кофе – так что им пахло на всю ячейку до самого вечера. Признаться, до этого я считал синтетический кофе ужасным пойлом, однако в исполнении Сэм он оказался весьма неплох.

Она ездила по служебным заданиям маленького виртуального журнала, в который только-только устроилась на работу. Он был посвящён, в основном, современной культуре, в которой Сэм разбиралась превосходно, а мы с Димкой совершенно ничего не смыслили. Однажды она целый день провела в музее «Инстаграма», подробно изучая и занося в память выставку селфи десятых годов. Когда я спросил Сэм, как она к этому относится, та лишь рассмеялась:

– Это что! Одна моя бывшая сотрудница исследовала модификации селфи-палок за двадцать лет, представляете?

С Димкой Сэм была очень ласкова, хоть и держала некоторую дистанцию, не особо посвящая его в свои дела. Выяснилось, что в годы Голода она осталась с родителями – несмотря на тяжелейшие для семьи времена, те не стали отдавать девочку в закрытую школу или отправлять в другую страну в целях безопасности. Быть может, именно близость с родными не дала Сэм стать «своей» среди сверстников: в их кругу она чувствовала какое-то одиночество и отчуждённость, поскольку была гораздо глубже, умнее и чувствительнее.

В свои сорок с небольшим она выглядела совсем юной – будто вчерашняя школьница, только-только вступившая во взрослую жизнь. Несмотря на то, что Сэм была далека от обще-

принятого идеала красоты (как она сама со смехом замечала), я всё же находил её красивой – наверное, потому, что она никого не пыталась обмануть своим обликом.

Димка запретил нам с Ромой говорить ей о своей болезни. Сэм только-только устроилась в новом городе, её работа оплачивалась невысоко, несмотря на Четвёртый уровень. Вряд ли она могла бы помочь с лечением, а вот не на шутку встревожиться – запросто.

С моим другом я теперь виделся не каждый день – за ним было кому присмотреть. Засиживаясь допоздна на работе, я ловил себя на мысли, что не могу перестать думать о Сэм. Она была... очень понятной, наверное. Она была интересной. И меня тянуло к ней, как магнитом.

– И что теперь будешь делать? – спросил меня Роман через несколько дней после нашего с Софией знакомства.

– Делать – что? – не понял я.

– Брось, я же вижу, как ты на неё смотришь! – ухмыльнулся этот старый злодей. – Учти, она непростая штука.

С Ромой девушка подружилась быстро. Уже вечером первого дня своего пребывания в Москве Сэм говорила ему «ты», несколько не стесняясь. Но со мной она держала дистанцию, будто опасалась чего-то. Я пытался вести себя непринуждённо, но всё равно оставался в глазах этой девушки всего лишь пожилым другом её отца.

Я пытался не думать о Димкиной дочери. Но, чтобы выкинуть её из головы, нужно было, для начала, перестать видеться, а я не мог не навещать своего друга – просто чтобы удостовериться, что у него всё более или менее в порядке. Сэм была очень близко и не подозревала, какие противоречия рождает в моей душе её присутствие. А я плохо спал из-за мыслей о ней.

В один из вечеров, когда я сидел дома, просматривая новости через ви-очки и уже подумывая о том, чтобы лечь спать, Сэм вызвала меня по майндвебу. Я не давал ей своего номера – видимо, она узнала его у моих друзей. Я сразу понял, что девушка встревожена.

«Что случилось?»

«Тал, я в баре „Спираль“ на Первом. Тут Рома, и он не в порядке».

Бар «Спираль» был одним из тех злых мест, где можно было выпить дешёвого синтетического алкоголя, официально запрещённого в Москве. Здесь собиралась очень подозрительная публика, и горе было тому, кто пришёл сюда, не захватив с собой шоковый хлыст и изрядную долю везения. Я знал это с Роминых слов, сам я в «Спирали» до этого не бывал. Говорил я ему, что не стоит посещать подобные заведения – но разве он когда-нибудь слушал?

Я вызвал такси и выскочил из дома, на ходу подключаясь к ментальной сети в поисках адреса. Через пару минут я уже мчался над городом.

Бар находился в подъезде старого дома. Железная дверь со сломанным домофоном была гостеприимно распахнута, изнутри доносились звуки рокочущей музыки. Несколько здоровенных парней в серых комбинезонах сидели на лестнице, преграждая дорогу. В руках у них были стаканы со светящимся голубым коктейлем. Было ясно, что просто так эти ребята меня не пропустят. Я поспешно отстегнул и спрятал в карман свой жетон с цифрой «три», взлохматил волосы и изобразил на лице самое наглое выражение, на которое был способен.

– Эй, куда? – спросил один из парней.

– Пить! – рявкнул я. Верзила поднялся со ступеней и подошёл ко мне вплотную. Он был выше меня на целую голову и шире в два раза, от него сильно несло перегаром. Я подумал, что мне сейчас придёт конец, но парень хлопнул меня по плечу здоровенной рукой, чуть не сбив с ног.

– Бутылочку вынесешь, старичок?

– Не вопрос... – пролепетал я.

Меня затолкнули в квартиру на первом этаже, где и располагался бар. Здесь было битком набито, люди сидели чуть ли не на головах друг у друга. Густая завеса сигаретного дыма висела

под потолком; разглядеть что-либо на расстоянии вытянутой руки было сложно. Я надел очки и просканировал помещение в поисках друзей. Прибор обнаружил их в дальнем углу. Пока я туда протискивался, мне успели отдавить ноги, облить каким-то коктейлем и ободрать пару застёжек с пальто.

Я до сих пор удивляюсь выдержке и невозмутимости Сэм. Видимо, этим она пошла в отца. Пока девушка находилась в баре с Ромой в окружении всех этих пропойц с Первого уровня, которые ругались, горланили песни и вели себя, как животные, она не давала в обиду ни его, ни себя.

Когда Сэм увидела меня, на её лице отразилось явное облегчение. Я заметил в её руке карманный шокер. Молодец, подготовилась.

– Ты в порядке? – на всякий случай спросил я.

– Я – да. А он – нет, – Сэм кивнула в сторону Ромы, сидевшего напротив.

С первого взгляда было понятно, что с ним что-то не то. Роман сидел неестественно прямо, неподвижным взглядом глядя перед собой. В руке у него был высокий пластиковый стакан с какой-то чёрной жидкостью.

– Я бы увела его, – громко сказала Сэм, перекрикивая шум в баре, – но он не хочет!

– Потому что я не закончил, детка! – хрипло отозвался Роман. Я немного успокоился: по крайней мере, мой друг был в состоянии разговаривать.

– Сегодня особенный день, – продолжал он. – Ровно тридцать три года... – Рома поднял стакан и сделал большой глоток. Поморщился, как от зубной боли. – У меня был хороший друг. Во время Голода он оказался в толпе, когда все рванулись на раздачу еды... это было в этот день. В полдень.

Я взял стакан и попробовал налитую в него жидкость. Она была похожа на вино, только вместо сладости в ней была соль. И горечь.

– Господи, что это за гадость? – меня передёрнуло.

– Так и называется, «2032»... – Роман поднял стакан и повернулся к двум одетым, как хипстеры, бородатым мужикам, что сидели позади нас. – Давайте, ребята! За тех, кого с нами нет...

Те вяло подняли стаканы в ответ.

– Знаешь, если бы я там был тогда, я бы смог его увести... – Роман допил остатки, тяжело вздохнул и уронил голову на грудь.

– Так, всё, – я кое-как вылез из-за стола и схватил его за шиворот. – Довольно, слышишь? Мы отвезём тебя домой.

– Как скажешь, шеф! – мой друг улыбнулся и положил руку мне на плечо. Вдвоём с Сэм мы вывели его из бара.

– Эй, парень, а где бутылочка? – обиженно сказал сидевший на лестнице детина.

– Обойдётся! – рявкнула на него Сэм и щёлкнула шокером, выпустив в воздух трескучую голубоватую молнию. Пьяных как ветром сдуло.

Мы вышли на улицу. Рома почувствовал себя лучше, глотнув холодного воздуха.

– Где твоя машина?

– Там... – он махнул рукой куда-то в конец улицы.

– Ты так и пришёл в рубашке? – спросила Сэм. – Где твоё пальто?

– Не... не знаю... – Роман растерянно оглянулся в сторону бара. Сэм было направилась обратно, но я удержал её:

– Не суйся туда.

Снял своё пальто, накинул другу на плечи.

– Пошли уже, герой.

Мы подхватили его с двух сторон и повели прочь.

– Ты-то как сюда попала? – спросил я у девушки. – Тоже выпить захотелось?

– Нет, я по служебному заданию, – она улыбнулась. – Собираю материал для репортажа про Первый. Записала обзор, – Сэм коснулась пальцем левого виска, и я только теперь заметил, что к коже эластичной плёнкой был приклеен гиперчип, позволявший вести хронику всего, что она видит, слышит и чувствует. При просмотре этих материалов зритель воспринимает их так, будто пережил все события сам, во всей полноте.

– И как, не страшно было спускаться сюда? – удивился я.

– Страшно. Но я знаю этот район – мы раньше здесь жили.

Арчи был припаркован за углом. Мы уложили Рому на заднее сиденье. Он то и дело твердил, что всё нормально, и он в состоянии вести машину, но я запретил моему другу даже думать об этом. Сел за руль сам, включил автопилот.

– Жаль его, – тихо сказала Сэм. – Он вспоминает много плохого.

Я не знал, что на это ответить. Молча взлетел и повёл машину в сторону Роминого дома.

– Спасибо тебе, – сказал я. – Не окажись тебя в баре, он бы там до сих пор сидел.

– Думаю, Рома бы выкрутился, – улыбнулась Сэм.

Мы сидели за столом в его ячейке и пили чай. Сам Роман лежал в своей чудовищной кровати и, наверное, уже видел десятый сон.

– Папе повезло с друзьями, – задумчиво произнесла девушка.

– Я думаю, с детьми ему тоже повезло, – в том же тоне отозвался я, несколько смущённый её словами.

– Нет, я редко с ним вижусь, – Сэм грустно улыбнулась. – Мне кажется, я всегда его бросаю. Моя работа...

– Но он очень радуется, когда видит тебя. Он тобой гордится и прекрасно понимает, что тебе нужно жить своей жизнью.

– Не будем об этом. Расскажите лучше о себе, Тал, – внезапно попросила она и пытливо взглянула мне в лицо. Я почему-то покраснел, как мальчишка.

– Какой из меня рассказчик...

– Папа говорил, что вы добрый, смелый и честный.

– Он переоценивает меня, – я окончательно смутился.

– Тогда расскажите, – Сэм дотронулась кончиками пальцев до моей руки и лукаво улыбнулась: – Я вестница. Я не отстану.

– Что ж... – я задумчиво уставился на блестящую столешницу, в которой отражался точечный синий свет ночного освещения. – Знаешь, есть давно устаревшее слово «архивариус». Думаю, оно описывает не только мою профессию. Приходя на работу, я запоминаю всё важное, что происходит в нашей фирме, и раскладываю по полочкам в отчётах. Но, возвращаясь домой, даже отключив мозгочип, я всё равно продолжаю запоминать. Хроника жизни пробегает перед моими глазами, а я – не режиссёр и даже не механик. Я – всего лишь плёнка... – я нервно рассмеялся, не глядя на свою собеседницу. – Когда я один, ничего не происходит, во всяком случае, такого, что можно было бы сохранить. Пустая квартира, электрические расцветы, этот вечный сигаретный дым и собственная тень на стене...

Сэм молчала, и мне показалось, что она не понимает. Но остановиться я уже не мог.

– Я всё время ухожу от этого, – продолжал я. – На работе я подключаюсь к камерам наблюдения и слежу за руками хирургов, которые творят чудеса своим умением. Я чувствую себя сопричастным, пусть даже я ничего не сделал. И когда мы... когда что-то происходит, например, твой отец приходит, или Рома заваливается ко мне домой с предложением что-нибудь устроить... тогда я не чувствую себя бесполезным. В такие моменты мне кажется, что я действительно становлюсь кем-то... – я опустил голову и уставился на свои руки.

Я думал, что Сэм решила, будто я сумасшедший, и успел обругать себя на все лады за то, что вот так взял и выложил ей всё это вместо того, чтобы отделаться какими-то банальностями.

– Спасибо, – вдруг сказала она.

- Что?! – я вскинул глаза. Лицо девушки было задумчивым.
- Вы честны со мной.
- Правда не всегда бывает интересной.
- И что же? Зато вы очень точно описали то, что я сама чувствую иногда.
- Ты? Не может быть! – я помотал головой. – Ты очень яркая и активная, да и вообще...
- И что? – повторила Сэм, грустно улыбаясь. – Это маска. А на самом деле в мире есть всего два типа людей, Тал. Первый – люди-картины, которые сами могут наполнить любую жизнь событиями, эмоциями, смыслом. Такие, как мой отец. Или как Рома. А есть люди-зеркала. Которые сами по себе становятся интересными в зависимости от того, что в них отражается.
- Один-один, – усмехнулся я. – Ты тоже честна со мной.
- Сэм рассмеялась, а затем пристально посмотрела на меня.
- Тал, я нравлюсь вам? – внезапно спросила она.
- Да, – честно ответил я, сам не понимая, почему. – Знаешь, я ещё не встречал таких, как ты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.